

СМЕРТЬ- МОЯ ТЕНЬ

СОВРЕМЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ

ДЕТЕКТИВ ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ ● ФАНТАСТИКА

СЕРИЯ "ЧЕРНЫЙ ЯЩИК ПАНДОРЫ"

ВЫПУСК № 2

Ник Харри
**СМЕРТЬ
МОЯ ТЕНЬ**

перевод с английского

КРИМИНАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

ХАРЬКОВ
АГЕНТСТВО "ХАРЬКОВ-НОВОСТИ"
1991

ББК 83.34

Кв 322

Художник М. БАЙГОЗИН

К $\frac{4703040000\ 03}{067(02)-91}$ Без объявл.

ISBN 5-7360-0002-4

© Ник Кварри 1991

1.

Каждый полицейский, встретившийся мне в это нескончаемое утро, вёл себя так, будто видел меня уже распростёртым на столе в мертвецкой.

Даже лейтенант Флинт, который незадолго до этого официально освободил меня, выглядел озабоченным. А Флинт не числился среди моих друзей.

— Единственная возможность для вас выжить — это быть твёрдым, — проговорил он тихо. И, избегая встречаться со мною взглядом, добавил: Желаю удачи!

— В чём вы меня обвиняете? Я не убивал сына Лека. Флинт откинулся на спинку кресла и посмотрел мне в лицо.

— Очевидно, это явилось следствием законной защиты.

— Я не убивал его, — упрямо повторил я, — я не убивал его ни с целью защиты, ни по каким-либо иным причинам.

— Возможно, и не убивали, — тон Флинта не свидетельствовал о его глубокой убеждённости в этом. — Во всяком случае, я не задерживаю вас.

— А вы не находите, что у вас в камере я буду в большей безопасности?

Моё замечание его явно задело, но он не подал вида. Разве можно обижаться на человека, который всё равно скоро умрёт!

— Возможно, вам лучше исчезнуть на некоторое время.

— Вы, наверное, хотели сказать: навсегда? Исчезнуть, сменить имя, провести остаток жизни где-нибудь в глуши? Нет, благодарю вас...

Флинт снова вздохнул...

— У вас очень плохой характер, Бэрроу. В этом ваше несчастье. Хотите совет?

— Не очень.

Он пожал плечами, но не обиделся.

— Если вам понадобится моя помощь, можете на неё рассчитывать.

— Рассчитывать на вас? В каком случае? В случае моих похорон?..

Флинт с трудом сохранял невозмутимость.

— Ладно, похоже на то, что мои предупреждения не действуют на вас, Бэрроу. Мы одни в этом кабинете, и мы можем говорить откровенно. Не забывайте, что лицензии частного детектива вы можете лишиться в любой момент. Но мне не доставит никакого удовольствия увидеть вас мёртвым.

— Вы задержите Лека, если меня убьют? Возможно, я и ошибаюсь, но думаю, что он лично устранил не менее десяти или двенадцати человек, когда делал свою карьеру в мафии и убирал стоявших у него на пути. Затем, откуда берётся контрабанда наркотиков? Ваши парни могли бы инкриминировать ему одно из подобных преступлений.

— Это не так просто,— ответил Флинт.

— Разумеется. Вы — храбрый полицейский, Флинт. Я знаю, что вы сделаете всё, что в ваших силах.

В дверь постучали. Вошёл полицейский с внушительным жёлтым пакетом. Он посмотрел на меня точно так же, как на меня смотрели все остальные с того самого момента, как единственный сын Лека был найден мертвым.

Полицейский обратился к Флинту:

— Фрэнк Лека и несколько его людей болтаются перед нашим входом, лейтенант...

Флинт потёр лоб.

— Что они делают?

— Ничего,— полицейский снова взглянул на меня.— Думаю, что они ожидают...

Когда полицейский вышел, Флинт сказал:

— Думаю, что вам лучше уйти через запасной ход,— он взял принесенный полицейским жёлтый пакет.— Презрение Лека к закону бесконечно. Невероятно, но факт: он ожидает вас прямо перед входом в полицейское управление!

Флинт развязал пакет и вытащил из него два моих пистолета и патроны.

— Лека, видимо, хочет мне что-то сказать, и я хочу

тоже поговорить с ним. Не думаю, что он мне поверит, но, тем не менее, попробовать стоит...

Флинт прикусил верхнюю губу. Я зарядил оружие. Большой «магнум» засунул в кобуру под мышкой, а пистолет 32-го калибра с коротким стволом сунул в правый карман пиджака. Когда я встал из-за стола, Флинт сделал то же самое

— Уже почти время ленча,— сказал он небрежно.— Если вы меня немного подождёте, мы сможем вместе перекусить...

— А потом? Бесполезно, Флинт. Вы ведь не можете охранять меня до бесконечности, днём и ночью...

— Для этого дела мы могли бы выделить пару агентов в штатском на какое-то время...

— На какое-то время, но не навсегда? Вам не стоит ввязываться в это дело: случись что, и вы не сможете оправдаться перед начальством. Кроме того, Лека публично, в присутствии свидетелей мне ничего не сделает. Хотите по-настоящему сделать что-то для меня? Попробуйте найти того, кто действительно убил парня.

— Сделаем, сделаем всё, что сможем.

— Прекрасно. Тогда, до свидания. У меня сегодня впереди трудный день.

— И что вы собираетесь предпринять?

— Как и вы, постараюсь сделать все, что смогу...

Я вышел из кабинета и спустился на лифте на первый этаж. Нужно было сделать усилие, чтобы идти нормально. С трудом передвигаясь на ватных ногах, я добрался до входной двери и вышел наружу. На мгновение я остановился на верхней ступеньке и, греясь на тёплом весеннем солнце, постарался взглядом отыскать тех людей, которые меня ожидали.

Длинный чёрный «кадиллак» почти целиком занимал проезжую часть улицы. Один человек стоял на тротуаре, опершись о заднюю дверцу, другой прислонился бедром к блестящему переднему крылу автомашины. Третий стоял возле фанерного столба метрах в трёх от них.

Двоих я знал. Бандит, опирающийся на дверцу, был массивен, высокого роста, ну, прямо гора мускулов. Точно так же выглядел и человек, сидевший за рулём. Бездельник, подпирающий столб, был молодым, толстым, с круглым лицом. На нём, несмотря на тёплую погоду, был надет светло-серый плащ, в кармане которого он и

держал правую руку. Все они холодно и высокомерно смотрели на меня. Как правило, киллеры — наёмные убийцы, слепо выполняющие грязную работу, — страдают наполеоновской манерой величия.

Человеком же, прислонившимся к крылу «кадиллака», был Виктор Рюнкон. Несколько раз нам пришлось встречаться мимоходом, и поэтому я мог считать его своим знакомым. Он исполнял у Лека роль адвоката. Десять лет назад его изгнали из Гильдии адвокатов за подкуп жюри, и с того времени он стал исполнять роль поверенного гангстеров, человека, который вытаскивает их из разных неприятных историй, выполняет их приказы, оберегает их от встречи с законом. Рюнкон выглядел лет на десять старше своего сорокалетнего возраста.

Фрэнк Лека поджидал моего выхода из полицейского управления, сидя в машине. Как только я начал спускаться по ступенькам, он вылез из автомобиля и, стоя неподвижно, смотрел, как я к нему приближаюсь.

Я хорошо представлял себе Лека по многочисленным фотографиям, часто появлявшимся в газетах. Он был крепкого телосложения, среднего роста, с густыми волнистыми волосами, тронутыми проседью. Похоже, что в молодости он был красивым парнем. Он и сейчас ещё сохранял определённую представительность, подчёркиваемую прекрасно сшитым костюмом. Восхождение Лека к вершине бандитской власти было трудным. Наёмный убийца в шайке гангстеров, глава контрабандистов спиртным в годы «сухого закона», босс рэкета на Западе, державший под контролем многочисленные фирмы и предприятия, он стал, в конце концов, уважаемым человеком, исполненным веры в свои деньги, политическую силу и способность безнаказанно убивать. Яркий пример полного разложения человеческой личности, который можно встретить только в Нью-Йорке.

Не отрывая глаз от Лека, я остановился в полуметре от него. Наши взгляды встретились.

С опухшим бескровным лицом, пустыми бездонными глазами, Лека выглядел жалким. Это меня поразило. Я почти шепотом сказал:

— Я не убивал вашего сына, Лека.

Мгновение казалось, что он намерен продолжать молча рассматривать меня, но вдруг его рот скривился, и он с трудом произнёс:

— Мой единственный сын умер!— голос у него был хриплым и срывающимся.— Человек работает для чего?... если некому всё оставить... некому продолжать род...

Скоропостижная смерть сына Лека меня не трогала, но перспектива потерять собственную жизнь заставила предпринять ещё одну попытку:

— Я действительно не убивал его!

— Вы говорите...— интонация голоса Лека была недоумевающей.— Разве это возможно? Мертвые не говорят. А вы — мёртвый.

Он повернулся и, взглянув на меня ещё раз, сел в свой «кадиллак». Его мускулистый прихвостень последовал за ним, с силой захлопнув за собой дверцу автомашины. Толстый парень в плаще подошёл к машине и, не вынимая правой руки из кармана, левой открыл дверцу автомобиля. «Кадиллак» рванулся с места мгновенно. Мы с Виктором остались на тротуаре вдвоём.

— А вы что же не поехали с хозяином?— спросил я у него.

— У меня есть свой автомобиль. И есть дело, которое срочно надо уладить.

— Это дело, наверное, связано со мной, не так ли?

Мне не нужно было обладать богатым воображением. Рюнкон проворачивал наиболее важные дела Лека.

— Я не имею ничего против вас лично, Бэрроу. Можно представить, как всё произошло. Вы, наверное, просто не знали, кем был парнишка, преследовавший вас с пистолетом. К сожалению, для Лека это не имеет никакого значения.

— Я это уже понял.

Он на мгновение прищурился, как бы пытаясь на что-то решиться.

— Знаете, что бы я сделал на вашем месте?

— Говорите.

— Взял бы кучу таблеток снотворного и проглотил их сразу, чтобы заснуть и никогда уже больше не проснуться.

— Я рекомендую сделать это вам самому. Уверен, что таким образом вы избежите массы неприятностей в будущем.

— А вы избежите страданий. Это самый простой способ, иначе ваш уход из этого мира будет очень болезненным.

Я с трудом удержался от импульсивного желания ударить его.

— Помогите вам бог решиться на это,— продолжал Рюнкон, отворачиваясь от меня. Он был уверен в мощи своей организации.— Это не только мой добрый совет или горячее желание Лека. Он может умереть от инфаркта в любой момент, а меня, к примеру, может переехать автомобиль. Но для вас это ничего не изменит. На вас объявлена охота. Все должны видеть, что непозволительно делать то, на что вы решились.

Я понимал, что он абсолютно прав, все гангстеры из паршивой организации, каждый житель — от последнего подонка до честного гражданина — будет искать меня и за вознаграждение сообщит Лека или кому-нибудь другому о моём местонахождении.

— Надеюсь, что это сможет заинтересовать вас,— продолжал Рюнкон свой монолог, доставая из кармана фотографию и протягивая её мне. Это была моя фотография, напечатанная в газете в прошлом году.

— Ну, разумеется, вы можете оставить её себе,— добавил Рюнкон с мрачным удовлетворением.— Сотни таких уже распространены. Может быть, всё-таки примете мой совет относительно снотворного, а? Это же конец, Бэрроу, разве вы не понимаете?

Как бы то ни было, но он слишком много болтал и, видимо, сказал лишнее. Кто-то хочет, чтобы я это сделал, и, держу пари, мне следует поступить как раз наоборот.

Я не сказал ему больше ни одного слова. Оставив Рюнкона на тротуаре, я поднялся по ступенькам назад, в полицейское управление. Успокоительно кивнув охраннику, я быстро прошёл по коридору, вышел через запасной выход на соседнюю улицу. Оказавшись на тротуаре, я почувствовал на себе десятки глаз.

Из-за угла медленно выехала машина с какими-то двумя типами. Слишком медленно она ехала. Я свернул в первый попавшийся переулок и услышал за спиной, как машина рванула вперёд, резко увеличив скорость.

Если они следили за мной, то им надо было объехать вокруг квартала, чтобы встретить меня на выходе из этого переулка.

Выждав с десяток секунд, я повернулся, вышел из переулка и продолжал свой путь по той же самой улице быстрым шагом, порой срываясь на бег, поворачивая, совершенно не думая, в каждый переулок, в каждую улочку, встречавшиеся мне по пути. Я не собирался идти за

своей машиной, стоявшей около моей конторы на Таймс-сквер. Там меня наверняка схватят. Единственным моим желанием в данный момент было найти место, где бы я смог немного отдохнуть и обдумать сложившуюся ситуацию.

Оказавшись около входа в метро, я взял жетон и прошёл за барьер. На перроне уже стояла толпа, и народ все прибывал и прибывал. Когда в тоннеле послышался шум приближающегося поезда, на перроне появилось двое, причем один из них был тем самым типом, который незадолго до этого пристально изучал схему линии метрополитена. Они мельком взглянули на меня и смешались с толпой, делая вид, что совершенно незнакомы друг с другом.

Поезд оказался пригородным. На Таймс-сквер я перескочил на другой, направлявшийся в центр города, и вышел на Мемберс-стрит. Здесь я знал один тихий и спокойный бар, который в полной мере отвечал моим желаниям в настоящее время.

В баре я пристроился у края стойки и заказал себе пива. Вошёл один из моих преследователей. Он огляделся и, безразлично скользнув по мне взглядом, устроился на другом конце стойки, также заказав себе пиво.

Барменша оказалась недавно принятой и не знала меня, поэтому вполне естественным было притворяться случайным посетителем, ищущим туалет. Я прошёл в кабину, тщательно закрыл за собой дверь и, высадив окно, вылез во внутренний дворик.

Через сорок минут я был уже в другом конце города, в Чайна-тауне. В небольшом китайском ресторанчике я выбрал отдельный столик в глубине помещения с таким расчётом, чтобы я мог хорошо видеть всех входящих. Есть не очень хотелось, но я решил перекусить, так как было совершенно неясно, что ожидает меня в ближайшие часы.

Я заказал шницель с рисом и пиво.

После меня в ресторанчик никто не вошёл. Толстый официант принёс заказ. Я выпил пиво и почувствовал, что нервы немного успокоились.

Непроизвольно вспомнилось из-за чего заварилась вся эта каша...

А заварилась она ещё вчера в полдень в присутствии нескольких прекрасно сложенных девушек, весьма символически одетых.

Их было четверо: две блондинки, одна брюнетка и рыжая. Почти одинакового роста, разница была не более одного-двух дюймов, девушки походили одна на другую. На них были только туфли на каблуках-шпильках и... нижнее бельё.

На одной блондинке был чёрный атласный корсет, расшитый розовыми сердечками, который оставлял открытыми бедра и всё остальное. На другой — жёлтые трусики, на задней части которых были изображены руки, якобы сжимающие ягодины, и бюстгальтер с двумя руками, обхватывающими грудь.

На рыжей была фиолетовая комбинация, свободно спадающая с острых кончиков груди. На чёрном поясе брюнетки точно такой же рисунок, как и на трусиках блондинки.

Четверо девушек на помосте демонстрировали покупателям из провинции модели женского нижнего белья в демонстрационном салоне дома моделей Эдварда Строгала на Седьмой авеню. Высокая и стройная женщина, удобно расположившись около помоста, с энтузиазмом представляла каждую модель...

Оптовыми покупателями были, в основном, женщины, но среди них затерялось и несколько мужчин, внимание которых больше привлекали сами манекенщицы.

Когда я назвал своё имя секретарше, она сказала, что мисс Шейл ожидает меня в своём офисе. Я оказался в холле с двумя дверьми, одну из которых мне нужно было выбрать. Я выбрал и ошибся, но, вообще-то, остался доволен этим, так как оказался у помоста и мог наслаждаться спектаклем. Ко мне подошёл молодой человек лет двадцати с конопатым лицом и спросил:

— Чем могу быть вам полезен, мистер?

— Я ищу кабинет Коры Шейл.

— Вы ошиблись дверью, — приветливо улыбнулся он мне. — Идёмте, я вас провожу, к ней можно попасть и отсюда.

Он проводил меня через весь демонстрационный салон к боковой двери. Бросив последний взгляд на помост, я вышел вслед за ним в широкий коридор.

Заметив этот мой последний взгляд, молодой человек спросил насмешливо:

— Ну и как, вам понравились модели на досочках?

— Они мне кажутся не очень практичными.

— А мы к этому и не стремимся. Эти модели у нас называются «специально для любовников».

— В таком случае, как вы полагаете, достаточно ли у нас в стране любовников, чтобы гарантировать широкую продажу?

— Ну, эти модели могут ещё использовать и молодые,— разъяснил он мне всё с той же улыбкой,— в качестве стимуляции мужа после утомительной дневной работы.

— Да? А вы не находите, что стимуляция зависит от вкуса? Как, например, это действует на вас, который работает здесь целый день?

— Я не работаю здесь, пока не работаю. Я — Боб Стронгал.

— Сын хозяина?

— Точно. Я — сын хозяина, я должен учиться делу, чтобы помогать отцу, когда закончу университет. А сейчас я прихожу сюда, чтобы почувствовать вкус к этому.

— Есть же люди, которые рождаются в сорочке,— вздохнул я,— но вам дано больше, чем вы того заслуживаете, молодой человек.

— Я понимаю, что не заслужил всего этого, но сумею заслужить,— заверил он меня и снова улыбнулся.— Вы покупатель или что-нибудь в этом роде?

— Нет. Я пришёл сюда по иному делу.

— Прекрасно. Кабинет Кору прямо и направо. До свидания.

И он вернулся в салон, чтобы вновь почувствовать вкус к делу, а я пошёл по коридору. За дверью с табличкой

КОРА ШЕЙЛ

оказалась молодая блондинка с приятными пышными формами, одетая, как ни странно, в юбку и блузку.

— Мистер Бэрроу?

— Да. А вы — Кора Шейл?

— Я её ассистентка, Лорейн Найт,— проговорила она весело.— Вы случайно не заблудились?

— Заблудился и случайно попал в гарем.

— Что?! А...— она засмеялась и на её щеках появи-

лись ямочки.— Ошиблись дверью? Это у нас часто случается. Но никто не жалуется. Секретарше следовало бы направить вас точнее...

— Давайте простим ей этот промах.

В кабинете Кору Шейл не было ничего экстраординарного. Длинный стол, чертёжная доска с наклоном, на которой был прикреплен лист бумаги с рисунком юбки и блузки, три шкафа, картотеки, журналы мод, письменный стол, на котором лежали кучи фотографий, стоял хрустальный стакан с дюжиной карандашей и цветных мелков и статуэтка обнажённой девушки. По одному из телефонных аппаратов в этот момент говорила симпатичная женщина с прекрасной волнистой причёской.

— Мисс Шейл освободится через минуту,— сказала Лорейн Найт.— Устраивайтесь пока поудобней...

Она вышла во вторую дверь, закрыв её за собой. Кора Шейл уверенно и достаточно громко говорила в телефонную трубку:

— Да, я прекрасно понимаю ваши проблемы, мистер Розе, но всё должно быть сделано к оговоренному сроку, и не позднее. Ткань нам нужна к полудню в воскресенье, в противном случае мы будем вынуждены обратиться к другому поставщику.

У неё было круглое лицо с правильными и тонкими чертами, красивым носом и прекрасно очерченным чувственным ртом. Положив трубку, она стремительно поднялась, обошла вокруг стола и направилась ко мне. Легкое весеннее платье плотно облегло грациозную фигуру. Экстраординарные формы в сочетании с горящими глазами производили потрясающее впечатление.

— Я — Кора Шейл,— сказала она мягко, но тем самым голосом, в котором чувствуется жесткость. Я молча пожал протянутую мне мягкую, но сильную руку.— Почему вы не присядете? У меня осталось несколько мелких дел, потом мы с вами уйдем отсюда и поговорим о проблеме, которая меня волнует.

— Мы можем поговорить и здесь, если у вас много работы,— предложил я ей.

— Я не хочу смешивать свои служебные обязанности с личной жизнью.

— Следовательно, я вам понадобился по личному делу?

— Да.

— А то я уж подумал, что дело связано с вашей ра-

ботой, с каким-нибудь пиратом-охотником или шпионом за вашими моделями, или ещё что-нибудь в подобном роде.

— Нет,— тихо возразила она мне.— Это сугубо личное дело. Мне не с кем посоветоваться...

— Тогда почему вы выбрали именно меня?

Она еще раз внимательно посмотрела на меня, затем так же тихо ответила:

— Я кое-что знаю о вас. Вы мне представляетесь подходящим человеком.

Она достала из ящика стола пачку сигарет, а я предупредительно вытащил из кармана новую газовую зажигалку, бросив мимолётный взгляд на рычажок, регулирующий высоту пламени. Однажды, точно в такой же зажигалке, рычаг случайно сдвинулся в кармане, и я здорово опалил себе брови.

Кора Шейл затянулась сигаретой и выпустила дым в потолок.

Я еще раз внимательно оглядел кабинет и спросил:

— Какие у вас здесь обязанности, мисс Шейл?

— Я — старший модельер у мистера Стронгала,— в её голосе слышались нотки гордости и ещё чего-то неуловимого. Похоже, что в ответ на это сообщение она ожидала от меня какой-то реакции.

А я не совсем понимал, чего от меня ожидают, и задал ещё один вопрос:

— Значит, это вы проектируете те потрясающие модели, которые я видел по пути к вам?

Она весело засмеялась.

— Да. И какое у вас сложилось о них мнение?

— Мне кажется, что у вас невероятное воображение.

— Пожалуй, так оно и есть. Именно благодаря ему я и стала тем, кем есть.

Один за другим в дверь зашли три художника со своими рисунками. Кора просмотрела работы и частично одобрила их у первых двух.

— Ладно, на сегодня всё,— сказала Кора Шейл. Она повернулась к внутренней двери и крикнула: — Лорейн!

— Из-за двери выглянула светлая головка Лорейн Найт.

— Слушаю, мисс Шейл.

— Я сейчас уйду, не смогли бы вы заменить меня на вторую половину дня?

— Конечно.

Ассистентка исчезла. Кора достала из шкафа норковое манто. Едва она накинула его на плечи, как в кабинет вошёл чистый мужчина лет пятидесяти.

— Что случилось, Кора? Почему вы уходите так рано?

— Не беспокойтесь, мистер Стронгал, Лорейн заменит меня на оставшееся время.

— Она не сможет вас полностью заменить, Кора.

— Она знает работу,— успокоила его Кора.— Я могу уйти на месяц и оставить вместо себя её: уверяю вас, вы не заметите разницы.

В её тоне было нечто такое, что свидетельствовало об их отношениях, несколько отличающихся от обычных отношений, существующих между служащим и его шефом.

Стронгал потер лоб.

— Я хотел бы поговорить с вами о новой коллекции. Но что случилось, почему вы уходите так рано?

Он с любопытством посмотрел на меня.

Кора Шейл представила:

— Это Джек Бэрроу, частный детектив.

— О! — мрачное лицо Эдварда Стронгала несколько смягчилось.— Значит, вы всё-таки решили последовать моему совету, Кора? — и он снова взглянул на меня.— Позаботьтесь о моей девочке. Я хочу, чтобы она была спокойна, чего бы это не стоило. Счёт передадите мне.

— Не говорите глупости! — возразила Кора. — Это моя личная проблема.

— Нет, совсем нет,— твёрдо ответил Стронгал.— Для меня важно, чтобы ваша голова была свободна от каких бы то ни было посторонних мыслей, и вы могли бы полностью сосредоточиться на работе. Ну, хорошо. Посмотрим коллекцию завтра, договорились?

Она утвердительно кивнула головой.

— Да, конечно...

— Прекрасно. Если вам понадобится помощь, Кора... любого рода... — он прервал фразу на полуслове, не зная, как выразить словами то, что он хотел сказать.

— Я это знаю,— проговорила девушка.— Только ведь это моя личная проблема, Эдвард...

Он еще немного постоял молча, потом, быстро взглянув на меня, вышел из кабинета.

Когда дверь за ним закрылась, я взглянул на Кору.

— Похоже, что вашему хозяину близки ваши личные проблемы?

— Мистер Стронгал для меня больше, чем просто хозяин. В некотором роде он мне как отец. У меня немного от него секретов. Когда сегодня утром мне позволили, я сочла вполне естественным посоветоваться с мистером Стронгалом. И именно он рекомендовал мне обратиться к помощи частного детектива.

— Итак, насколько я вас понял, вам сегодня кто-то звонил?

— Да. Я... думаю, что меня кто-то хочет шантажировать. Я не уверена...— она нервно открыла сумочку, перерыла её содержимое и достала какую-то коробочку.— Но лучше поговорить об этом не здесь...

Мы вместе с ней вышли из кабинета. Когда мы шли по коридору, открылась одна из дверей салона, и из неё вышел Боб Стронгал. Увидев нас, он остановился и недоуменно глядя на Кору, спросил:

— Вы вернётесь позднее?

— Нет, я буду здесь только лишь завтра утром. Там всё в порядке?

— Разумеется. У вас какие-нибудь планы на сегодняшний вечер?

— Хочу уладить кое-какие свои дела,— ответила ему Кора с материнской улыбкой. Но он не воспринял её с сыновней почтительностью. Глядя почему-то на меня, он задал ещё один вопрос:

— У вас свидание?

— Что-то в этом роде,— ответила она, непринуждённо беря его под руку.— Думайте о работе, Бобби. Вы здесь для того, чтобы учиться нашему делу.

Он посторонился, и мы прошли по коридору к выходу. Когда мы спускались в лифте, я спросил её:

— Сын хозяина, он что, действительно пытается здесь чему-нибудь научиться?

— Бобби, в общем-то, неплохой парнишка. Его самая большая проблема — это страх, боязнь того, что в будущем он сможет оказаться по уровню ниже своего отца.

Мы сели в такси, и Кора назвала адрес в районе Ист-Сайда. Машина остановилась перед новым изумительным зданием. Квартира Кору оказалась на пятом этаже, из окон гостиной открывался чудесный вид на Ист-Ривер. Кора повесила манто в шкаф и взглянула на меня своими тёмными блестящими глазами.

— Вам, наверное, не терпится узнать, почему я по-

просила вас прийти в контору вместо того, чтобы сразу пригласить домой?

— Да, действительно, я хотел вас спросить об этом,— признался я.

Мгновение мы изучали друг друга. Её губы сложились в меланхолическую улыбку.

— Лишь только для того, Джек, чтобы ты своими глазами мог увидеть, какой важной персоной я стала. Мне не раз хотелось, чтобы кто-нибудь, кто знал меня раньше, увидел и узнал, какую я сделала карьеру. Причем, сделала сама, без чьей-либо помощи.

— Мы когда-нибудь знали друг друга?

— Меня раньше звали Кора Радик.

Через мгновение я всё вспомнил. Кора наблюдала за мной и, кажется, реакция оказалось именно той, какую она и ожидала...

Мы непроизвольно подошли друг к другу и встали почти рядом. Она подняла голову, чтобы я лучше смог рассмотреть её и восстановить далёкий образ. Немного осталось в памяти от той оборванной и голодной девчонки, которую я некогда знал.

Кора Радик была членом банды подростков, терроризировавших убогий район, где я вырос. Её мать зарабатывала на жизнь, работая барменшей и подрабатывая проституцией. Коре было тринадцать лет, когда их выселили из квартиры за неуплату аренды. С того самого времени, вот уже четырнадцать лет, я её не видел и ничего о ней не слыхал.

Я не мог найти в теперешней Коре каких-либо знакомых черт. Испуганная, оборванная и голодная девчонка стала соблазнительной деловой женщиной.

— И каким же образом ты стала Шейл?

С её лица медленно ушла улыбка, и оно стало деловым и озабоченным.

— Это длинная история.

— Я выслушаю.

— Подожди минутку. Я приготовлю чего-нибудь выпить. Нервы до того напряжены,— весь день так и кажется, что они порвутся.

Она повернулась и прошла через всю комнату.

— Ты мне составишь компанию?

— Конечно.

Когда она шла через комнату, я проводил её взгля-

дом. В противоположном конце гостиной находилась маленькая комната, из которой можно было видеть через открытые двери небольшую спальню, ванную комнату и крохотную кухню. Квартира для одинокого человека.

Кора достала из холодильника кубики льда и бросила в фужеры, которые сняла с небольшой изящной полочки. С фужером в руках она снова пересекла гостиную, поставила их на невысокий столик, плеснула по хорошей порции виски и села на край дивана. Я сел в кресло напротив неё. Свой фужер она выпила залпом. Слегка наклонившись, Кора налила себе виски и замерла, словно ожидая, когда я допью своё. Затем, держа фужер в руке, она подобрала ноги и забилась в угол дивана, не сводя с меня глаз.

— Нет нужды рассказывать всё с самого начала, Джек,— медленно проговорила она.— Ты хорошо помнишь, кем была моя мать. Наверное, помнишь, и почему мы уехали. Мы уехали в Балтимор, родной город матери. Кроме того, там у неё была подруга... такая же, как и она сама... Балтимор — старый город, там полно моряков, это облегчало нашу жизнь. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Она выпила ещё, но на этот раз меньше.

— Большую часть времени я была одна. Мать со своей подругой часто оставляли меня дома одну, а если они возвращались с мужчинами, то тогда мне приходилось убираться из дома... Я попала в одну банду. Когда проводишь на улице большую часть времени, необходимо с кем-то дружить, кто бы мог тебя защитить. Иначе нельзя, не правда ли? Это была типичная банда подростков, каких много в наших городах. Кроме того, я выросла, и меня заинтересовал один человек. Местный флибустьер, мелкий спекулянт, в общем-то, но он был красив и немного старше меня. Мне он казался значительным. Его звали Дюк Флемминг, и я часто видела у него пистолет. Через четыре месяца он оказался в тюрьме. Дай мне сигарету!

Я открыл крышку коробки и дал ей закурить. Она глубоко затянулась.

— Потом Дюк и его приятель задумали ограбление страховой компании. Я в этом деле должна была исполнять роль шофёра. Патрульный полицейский автомобиль выехал из-за угла и оказался между Дюком и его со-

общником, который находился уже внутри здания. Дюк, пегляя, попытался скрыться, но пуля полицейского попала ему в бок и изуродовала его на всю жизнь. Сообщник тоже попытался скрыться, но был убит наповал. Я же хотела смыться в машине, но патрульные прострелили скаты, а когда я бросила машину и попыталась оказать сопротивление — тогда-то я была молодая и ловкая, — меня утихомирили дубинкой, и я очнулась только лишь в камере. Этот полицейский получил медаль, Дюк заработал семь лет каторжной тюрьмы, я же — три года исправительной колонии.

Кора достала из коробки ещё одну сигарету.

— Это тебе не кажется чересчур скандальным?

— Нисколько, — ответил я.

Она глубоко затянулась.

— Я знаю, что с тобой можно говорить откровенно. Я не смогла бы говорить так с кем-нибудь посторонним.

Кора отпила ещё немного виски, поднялась с дивана и стала ходить по комнате. Не зная, что сказать ей, чтобы она успокоилась, я спросил:

— Как тебе удалось преуспеть и добиться такого положения?

Кора остановилась и признательно посмотрела на меня.

— В колонии работала одна воспитательница. Перевоспитание правонарушителей было её пунктиком. Она оказалась замечательным человеком. Она долго возилась со мной, выявляя мои способности и наклонности с помощью разного рода тестов и, я даже и не думала об этом, выяснила, что у меня есть способности к рисованию. Я представляла для неё чисто профессиональный интерес, но первое время не понимала этого. Через год пребывания в колонии я узнала, что моя мать покончила с собой.

Кора снова принялась ходить по комнате.

— Она выбросилась из окна. Когда проститутка кончает жизнь самоубийством, это никого не удивляет. Но я очень испугалась, что и меня ожидает такой же конец.

Кора вернулась к дивану и снова села.

— Первый раз в жизни я начала по-настоящему учиться. Воспитательница приносила мне из библиотеки книги, и я прочитывала их от корки до корки. Она же помогла мне устроиться на заочные курсы по подготовке модельерш. У меня действительно оказались прирождён-

ные способности. Она показывала мои работы специалистам, и те высоко их оценили. Благодаря ей, я вышла из колонии на шесть месяцев раньше положенного срока. Она же устроила меня на работу в маленький дом моделей в Балтиморе. Тогда же я решила сменить фамилию. О нашем деле в Балтиморе много писали в газетах, а я хотела порвать с прошлым навсегда. Мою воспитательницу звали Сара Шейл, и она ещё раз помогла, удочерив меня...

В Балтиморе я поступила в вечернюю школу и посещала её регулярно — пять раз в неделю. Работала, как проклятая. К тому же, как ты тонко заметил, у меня обнаружился экзотический вкус, и я решила попробовать свои силы в большом деле. Короче, я перебралась в Нью-Йорк.

— ...И ты добила своё, — закончил я.

Она кивнула головой.

— Мне к тому же повезло. Я сразу же попала в фирму Эдварда Стронгала. Но не как модельер, а сначала как манекенщица. У меня, таким образом, появилась возможность оглядеться, прежде чем выложить свои козыри. Я смогла посещать, кроме того, высшие курсы, где преподавали лучшие модельеры Нью-Йорка. Когда я почувствовала себя достаточно уверенно, то начала критиковать модели Стронгала и предлагать свои решения. У него было много поводов рассердиться на меня, но он не сделал этого. Более того, он начал прислушиваться к моему мнению. Когда ряд моих предложений был принят, и следствием этого явился коммерческий успех его продукции, Стронгал предложил стать мне модельером. С этого времени Стронгал стал со мной чрезвычайно любезным.

«Любезный» — это слово чертовски подходит к нему, тем более, если вспомнить, как он смотрел на меня.

— Значит, с тех пор ты работаешь вместе со Стронгалом?

— Да. У меня очень хорошая работа, и я не хочу её менять. Я определяю состав коллекции и основное направление моделирования. Каждый год я езжу в Европу, чтобы посмотреть на то, что делается там. Мне приходится завязывать деловые контакты с модельерами, поставщиками и покупателями со всего света. За всё это мне хорошо платят. Чего ещё можно желать?

— Стронгал знает о твоём прошлом?

Она кивнула.

— Да. Я рассказала ему обо всём, когда он предложил мне стать модельером в его доме моделей. Он хорошо отнесся ко мне, и я решила, что ему можно довериться. Он выслушал меня, подтвердил своё предложение и посоветовал никому ничего не рассказывать.

— Какие последствия грозят тебе, если эти сведения выплывут наружу?

— Я этого точно не знаю,— ответила она медленно и задумалась.— Одно я могу сказать определенно: лучше не будет. Суди сам, большая часть наших моделей идёт в провинцию, мы имеем, главным образом, дела с провинциальными торговцами. Они милые, но очень ограниченные люди. И трудно представить себе, как они отнесутся к тому, что та самая женщина, с которой они имеют дело, в пятнадцать лет жила с гангстером, в шестнадцать лет сидела в исправительной колонии, чья мать... Едва ли они станут после этого относиться ко мне, как и раньше...

— Да, это самое слабое место... А теперь поговорим о шантаже.

Немного поколебавшись, она начала:

— Месяцев шесть назад ко мне в контору приходил Дюк Флемминг...

— Твой старый друг? Как он тебя нашёл?

— Совершенно случайно. Здесь, в Нью-Йорке, он уже около двух лет. Однажды он встретил меня на улице, узнал и преследовал до самого порога нашего дома моделей. Он выглядел ужасно: хромой из-за полученной раны, к тому же он стал сильно пить. Он попросил у меня денег, я дала их ему, и он ушёл. Потом стал регулярно приходить ко мне за деньгами, иногда в контору, но чаще домой.

— Значит, ты подвергаешься шантажу уже полгода? Кора задумчиво наморщила лоб.

— Нет, пожалуй, он не шантажист. По крайней мере, я не считаю его таковым. Дюк ничего не требовал от меня, он просто просил. И каждый раз он так дрожал, что я чувствовала жалость к нему, и... давала ему деньги. И он благодарил меня... Ты не должен его так называть... я не могу даже подумать, что это он рассказал о моём прошлом этому проклятому Марти Лоуренсу...

— Это тот человек, который звонил тебе сегодня утром?

— Ты его знаешь?

— Что он тебе сказал?

— Он напомнил мне ряд фактов из моего прошлого в Балтиморе и пригласил меня прийти к нему и поговорить с ним. Встреча должна состояться сегодня вечером, в восемь тридцать, в таверне «Черепаша» в Нью-Джерси. Он не стал вдаваться в подробности, он просто повесил трубку. Я всё рассказала мистеру Стронгалу, и он посоветовал обратиться к помощи частного детектива.

— А откуда ты узнала обо мне?

— Я мимоходом слышала разговор о тебе, когда ты работал для Сартории Мэрил. Тебя характеризовали как знающего и честного детектива. Я тогда ещё подумала, не тот ли это Бэрроу, которого я знала в детстве. В прошлом году мне попалась фотография в газете и статья о тебе, я узнала тебя...

— Марти Лоуренс говорил что-нибудь о деньгах?

— Нет... А что ему ещё от меня может быть нужно?

— Если ему нужны деньги, то что ты намерена предпринять?

— Наверное, придётся отдать деньги, если речь пойдёт о приемлемой для меня сумме.

— ...и тебе придётся платить каждый раз, когда у него вновь появится аппетит.

Кора поставила стакан на столик и с силой сцепила руки.

— К сожалению, Джек, мне больше ничего не приходит в голову. Именно по этой причине я и обратилась к тебе. Скажи, что мне надо делать?

— Если это действительно шантаж, то дело представляется мне несложным. Однако настораживает тот факт, что о деньгах не было сказано ни одного слова. Мне кажется, нужно съездить в Нью-Джерси и выяснить в чём дело. Тебе не следует о чём-либо таком беспокоиться, я буду рядом. Как только станет ясно, что он хочет от тебя, я тут же вмешаюсь.

И я кратко пояснил, что ей следует делать.

Кора кивнула.

— Хорошо, я всё сделаю так, как ты советуешь. А сейчас я приму снотворное, чтобы хоть немного выспаться и успокоиться до вечера.

— Это, пожалуй, правильно. Необходимо, чтобы к

вечеру у тебя была ясная и светлая голова. Кстати, где можно найти твоего старого дружка Дюка Флемминга?

— Не имею ни малейшего понятия, где он живёт. Мне он об этом не говорил ни разу.

— Хорошо. Так как хоть он выглядит?

— Высокий, крепкого сложения, с темными курчавыми волосами и голубыми глазами. Когда я видела его в последний раз, у него была, по крайней мере, пятидневная борода. Да, самое главное, он хромает.

— Как он обычно бывает одет?

— Носил он по большей части одно и то же. Было время, когда он обращал внимание на одежду. Сейчас — нет. Он одет обычно в коричневый клетчатый пиджак и коричневые шерстяные брюки. Грязная рубашка, без галстука, яркий красный шарф. Однажды я дала ему немного больше денег, чем обычно, чтобы он смог купить себе новый шарф, но когда он пришел в следующий раз, на нём был всё тот же ярко-красный.

— Всё понятно. Хотя ты и не знаешь, где он живёт, но вполне точно определила ту среду, где он обитает. Это уже кое-что...

Я вернулся к себе в контору и сразу же позвонил трём своим приятелям, которые смогли бы помочь мне отыскать Дюка Флемминга. Один из них был высококвалифицированным карманником, зачастую работавшим на Пенсильванском вокзале, то есть именно там, где собираются бродяги долгими зимними вечерами, чтобы отогреться. Другой служил в ломбарде и с целью увеличения личных доходов подрабатывал скупкой краденого. Третий был служащим Армии спасения, чьим занятием было оказание посильной помощи нищим. Каждому из троих я описал Дюка Флемминга. Они пообещали навести справки. Я запер контору и поехал домой принять душ и переодеться. С собой я прихватил пистолет 32-го калибра с коротким стволом. Шантажисты, как правило, не пользуются оружием, но я не был уверен в том, что это простой шангаж.

3.

Таверна «Черепиха» в Нью-Джерси, расположенном в получасе езды от Нью-Йорка, оказалась отдельно стоящим зданием в викторианском стиле с оштукатуренными

стенами. Рядом проходила автострада. Под названием таверны неонм светилась огромная черепаха, а еще ниже мигала розовая неоновая надпись «Пицца и дансинг». На автостоянке перед зданием стояло несколько автомашин. Я поставил свою машину рядом с чёрным потрёпанным «фордом» и вошёл в таверну.

Судя по всему, первоначально это здание было жилым домом. Несколько перегородок на первом этаже убрали и соорудили бар с длинной стойкой, поставили несколько столиков и музыкальный автомат, оставив немного места для танцев. Хрустальная люстра под потолком едва освещала помещение. Посетителей в таверне в этот вечер было немного: за одним из столиков сидело три человека, ещё один пристроился на табурете около стойки. Я тоже забрался на табурет и заказал барменше с необъятной фигурой виски и пиво.

Трое за столиком продолжали беседовать, не обратив на мое появление ровным счётом никакого внимания.

Человек, сидевший за стойкой, взглянув на меня без особого интереса, снова погрузился в свои мысли. На нём был поношенный тёмный костюм, слишком большой для худого тела, но натянутый на выпирающем животе. Редкие волосы давно не стриглись, лицо было покрыто красными пятнами, и вообще весь он производил жалкое впечатление. Это впечатление довершала двухдневная серая щетина и потухший туповатый взгляд пьяницы. Он пил из бокала что-то, похожее на дешёвое вино. В это время один из мужчин за столиком громко сказал:

— Еще раз, Хаги!

Толстая барменша моментально среагировала:

— Иду, Марти.

Я сделал глоток виски и, облокотившись на стойку бара, смотрел в зеркало, находившееся в баре, за тем, что происходит в зале. За столиком, как я уже успел заметить, сидели трое — двое мужчин и одна женщина. Один из мужчин был килограммов на сто — этаким колоссом с волосами, подстриженными под ёжик. Другой, казавшийся по сравнению с первым, маленьким, был красивой парнишкой: темноволосым, гибким, судя по всему, уверенным в себе. Молодая и грациозная женщина была одета в элегантное зелёное платье, оставляющее почти неприкрытым большой бюст. Рыжие волосы были искусно уложены в высокую причёску.

Барменша принесла им на подносе выпивку, поставила на стол и забрала пустую посуду. Молодой человек дал ей банкноту и высокомерным тоном позволил оставить сдачу себе.

— Спасибо, Марти, — ответила барменша с преувеличенной признательностью. — Большое спасибо.

Я взял в руки бокал с пивом, продолжая наблюдать в зеркало. Теперь моё внимание было сосредоточено на Марти.

Сидящие за столиком о чём-то оживлённо разговаривали, но их слова не долетали до меня. Я видела, как Марти протянул руку и похлопал девушку по груди. Она улыбнулась, но здоровяку, видимо, это не понравилось, и он что-то сказал Марти. Тот в ответ лишь засмеялся.

Высокая девушка в белой юбке и чёрной блестящей блузке вышла из туалетной комнаты. Она со скучающим видом оглядела полупустой зал и с широкой улыбкой пошла ко мне. Её грудь колыхалась в такт шагам под прозрачной тканью блузки. Она по-хозяйски села на табурет рядом со мной.

— Чао, дорогой, — приветливо проговорила она. — Ты один?

— Сегодняшний вечер мне хочется провести в одиночестве, — ответил я.

Однако это её не обескуражило.

— Пожалуйста. Меня зовут Глория.

Сначала я хотел от неё отделаться, но потом решил, что эта девица вполне может стать предлогом, если мне придётся здесь задержаться.

— Дайте выпить Глории, — сказал я барменше.

Та быстро приготовила коктейль и поставила его перед девушкой: в этом коктейле, как я успел заметить краешком глаза, был, в основном, апельсиновый сок, но я заплатил, как за виски, которого кот наплакал. Глория выпила его залпом, что укрепило мои подозрения в отношении коктейля, и, прижавшись ко мне, проворковала:

— Спасибо. Сегодня вечером у меня такая жажда! Как тебя зовут?

И в это время появилась Кора. Я увидел её в зеркале. Она вошла и стояла на пороге в нерешительности. Как мы и договорились, не подала вида, что знает меня.

Марти встал из за стола и пошёл к ней навстречу, победно улыбаясь.

— Я рад, что вы откликнулись на моё приглашение и пришли, детка. Я — Марти Лоуренс.

Кора, не сказав ни слова, холодно посмотрела на Марти. Она была одета в чёрное и выглядела одновременно и строго, и представителью. Марти внимательно оглядел её с ног до головы.

— Вы — симпатичная, — обобщил он свои наблюдения. — Действительно, симпатичная. Просто красавица.

Кора сжала в руках чёрную сумочку и что-то ответила ему вполголоса. Марти также тихо произнёс несколько слов и взял её под руку. Кора резко высвободилась. Марти сделал ей знак следовать за ним. Они вместе прошли через зал и исчезли за занавешенной дверью в глубине помещения.

Я остался на месте. В мои планы входила задача дать ей возможность выяснить некоторые детали, касающиеся этого дела, и лишь затем, в случае необходимости, вмешаться.

Моя собеседница прижалась к моей руке могучей грудью.

— Чуть позднее станет весело. Оставайся до полуночи, и ты сам убедишься в этом. Иногда здесь бывает жарко, когда кто-нибудь разойдется.

Опустившийся пьяница за стойкой продолжал потягивать вино. За столиком здоровяк что-то настойчиво говорил вполголоса рыжей, будто пытался её в чем-то убедить или развеять её дурное настроение. Та лишь задумчиво смотрела в свой бокал. Барменша с квадратной спиной протирает стаканы.

Глория еще больше прижалась ко мне и прошептала:

— Этот коктейль так возбудил меня... так возбудил...

— Хочешь музыку? Или, может быть, потанцуем?

Я дал ей две монеты. Она подошла к игровому автомату и принялась нажимать на кнопки. В этот момент раздался крик Кору:

— Джек!

Я быстро соскочил с табурета и бросился к занавешенной двери. Здоровяк поднялся из-за столика и преградил мне дорогу, широко расставив руки:

— Спокойно, парень, — предупредил он. — Мой друг хочет побыть один.

Краем глаза я успел заметить, что барменша, оставив в покое стаканы, достала из-под стойки бейсбольную клюшку и направилась ко мне.

Я колебался, воспользоваться ли пистолетом, так как без него мне вряд ли бы удалось справиться с двоими.

Но внезапно у меня остался только один противник. В тот момент, когда барменша проходила мимо старого алкоголика, он резко повернулся на своём табурете и ребром ладони ударил её за ухом. Она рухнула, как подрубленное дерево, и неподвижно растянулась на полу.

Я ошогбенело взглянул на старика. Гигант, стоящий передо мной тоже повернул голову. Но его изумление длилось на миг больше моего. На тот самый миг, которого мне вполне хватило, чтобы броситься вперёд и изо всех сил ударить его правой в подбородок. От моего удара он крутанулся на пятках и, внезапно обмякнув, рухнул на пол.

Я перешагнул через него и бросился к двери в глубине зала. За ней оказался небольшой холл и лестница, ведущая наверх. Кора крикнула ещё раз откуда-то сверху. Перескакивая через несколько ступенек сразу, я поднялся наверх, вышиб оказавшуюся на моём пути дверь и оказался в помещении.

Марти прижимал Кору к кровати. Её ноги усиленно бились, одна туфля слетела. Юбка поднялась на бёдра, обнажив ослепительной белизны ноги между чулками и чёрными шёлковыми трусиками. Парень разорвал на ней одежду. Одной рукой он держал её за волосы, а другой намеревался дать пощёчину. Меня он увидел в тот самый момент, как только я ворвался в комнату. Он мгновенно выпустил Кору, вскочил с кровати и оказался на ногах. Он сунул руки в карман и вытащил складной нож. Лезвие, как молния, выскочило наружу, но не успел он еще встать в позу для атаки, как я ударил изо всех сил его правой по бицепсу, он заорал от боли и выронил нож. Другой мой удар тыльной стороной ладони прозвучал как маленький взрыв. Марти заертелся волчком, ударился о стену и упал на колени.

Когда я подошёл к нему, он, видимо, был в шоке и непроизвольно поднял руки для защиты от ударов. И вдруг он внезапно завопил:

— Нет... Вы умрёте за это... Клянусь небом, умрёте!

Кора предупреждающе что-то крикнула, я быстро обернулся и увидел гиганта на пороге комнаты, — неуверенно покачивающегося, но, тем не менее, стоящего на ногах.

Его увидел и Марти.

— Грэди! — завопил он. — Сделай из него отбивную!

Грэди повернул голову в мою сторону и бессмысленно уставился на меня. Он постарался как-то отреагировать на полученный приказ.

— Ты меня слышишь, Грэди? — подстёгивал его Марти. — Займись им!

До здоровяка, наконец, дошло, чего от него требуют, и он послушно направился ко мне. Он был ещё слаб, и я не хотел делать большего, чем это было необходимо. Ведь нельзя в подобных случаях винить послушную собаку! Как только он приблизился ко мне, я ударил его носком ботинка по голени. Он схватился руками за ногу и завертелся на месте. У меня не было времени для более вежливой его обработки. Я ударил его в спину, и он отлетел к стене. Его ноги конвульсивно дёрнулись пару раз, и он затих.

Марти всё ещё стоял на коленях у стены, не делая попыток завладеть ножом. Видя, что произошло с его телохранителем, он разочарованно протянул:

— Грэди, колосс на глиняных ногах! Куча ненужного мяса!

Я поднял его с пола за волосы. Он непроизвольно застонал и ухватился за голову. Я ударил его в живот. Он рухнул на пол, и его стошнило.

— Это за Грэди, — произнесла за моей спиной Кора.

С широко раскрытыми глазами, глубоко и прерывисто дыша, она все ещё продолжала лежать на кровати. Потом вдруг как-то сразу пришла в себя и попыталась привести в порядок одежду.

— Он знает обо мне всё, — сказала она дрожащим голосом. — Всё. Но он не сказал, от кого он всё это узнал. Деньги ему не нужны...

— Ему нужна ты в обмен на молчание, не так ли?

Кора, нервно кусая губы, утвердительно кивнула головой.

— Я должна быть в его распоряжении всякий раз, как он того пожелает. То, что меня это абсолютно не устраивает, похоже, его только разилекло. Он даже сказал, что ему доставит особое удовольствие овладеть мною насильно.

Я поднял Марти на руки и сунул его в кресло, где он свернулся, прижав руки к животу.

— А теперь, сынок, скажи, кто тебе рассказал о прошлом мисс Шейл? — спокойно спросил я его.

— Никто, — прошипел Марти сквозь сжатые зубы. — Куча людей знает, что она из себя представляет.

Я глянул через плечо на Кору. Она отрицательно мотнула головой.

— Неправда. Никто не пытался меня шантажировать до сих пор. Никто не вымогал у меня ни денег, ни что-либо другое.

Я принялся хлестать Марти по щекам. Его голова от моих ударов моталась из стороны в сторону. Он пытался выскользнуть из кресла, но я вернул его назад.

— Говори, иначе я вышибу из тебя мозги!

— Сукин сын! Ты заплатишь мне за это! И она тоже заплатит!

Я от души влепил ему ещё одну пощёчину.

— Джек, не надо больше. Достаточно!

Она продолжала сидеть на кровати, пытаясь ногой найти свою туфлю и придерживая руками разорванную одежду.

— Ты можешь убить его, — сказала она медленно, — но ты ничего не добьёшься. Если он знает обо мне, то, наверное, знает ещё кто-нибудь, знают и другие. Это ни к чему не приведёт. Наверняка, он сделает всё, чтобы отомстить. И что можешь сделать ты, чтобы помешать ему? Убить? И убить каждого, кто знает мое прошлое? Я решилась. Если истина всплывёт, то будь, что будет. Разве можно всё время жить в страхе? Это лучше, чем пытаться скрывать прошлое, и каждый день ожидать неприятностей.

— Ты уже пришла в себя? — спросил я у Кору.

— Да. И прошу тебя, пойдем поскорее домой. Пойдём сейчас же. Мне нужна ванна, я чувствую себя какой-то грязной...

Я вытащил у Марти бумажник и просмотрел его содержимое. Прежде чем уйти отсюда с Корой, я надеялся узнать о нём побольше. В бумажнике было четыре банкноты по сто долларов, три по пятьдесят и несколько десятков. Водительские права, принадлежащие Марти Лоуренсу, проживающему в Манхэттене; я запомнил адрес. Два членских билета: один «Кантри-клуба» в Лос-Анджелесе, другой — фешенебельного клуба во Флориде. Три чековых книжки. Кроме этого в бумажнике находились две моментальные фотографии, судя по всему, сделанные совсем недавно: одна в Париже, около Триумфальной арки, другая — около «Форо-Италико»

Я бросил бумажник к ногам Марти и мельком взглянул на него. По его лицу текли ручьи слёз, он плакал, не разжимая губ.

Кора одной рукой взяла сумочку, другой — придерживала свой костюм. Она вышла из комнаты. Я вслед за ней спустился по лестнице.

Внизу, в зале, рыжая девушка всё так же продолжала сидеть за столиком. Когда мы проходили мимо неё, она даже не подняла на нас глаза. Глория с удивлённым видом стояла около музыкального автомата. Барменша, всё ещё без сознания, лежала на полу.

Старый пьяница исчез.

4.

Около таверны я тоже не обнаружил ничего нового, только старый чёрный «форд», стоявший рядом с моим «шевроле», исчез. Я снял с себя пиджак и набросил его на плечи Кору. Она машинально прихватила его рукой, но было видно, что её мысли заняты чем-то другим. На лице застыло покорное и горькое выражение. Я поправил пиджак у неё на плечах и открыл дверцу автомобиля. Потом обошёл вокруг него и сел за руль. Пока я выбирался на автостраду, Кора свободной рукой достала сигарету и жадно затянулась табачным дымом.

Весь обратный путь в Нью-Йорк она курила одну сигарету за другой, неподвижно глядя сквозь ветровое стекло на стелющуюся под колёса автостраду. Мои, правда, слабые попытки завязать разговор оказались напрасными.

— Не огорчайся, — сказал я ей, — всё будет хорошо.

— Уже не будет.

— Не будь пессимисткой.

— Я не пессимистка, я — фаталистка. Провидение решило сыграть со мной грязную шутку.

— Марти Лоуренс, отнюдь, не провидение.

— Нет, конечно. Но он его орудие. Бесполезно противодействовать. Случилось то, что должно было случиться.

— Ты слишком разговорила. Тебе сейчас необходим стаканчик виски.

— И не один, — сказала она серьёзно.

Едва мы вошли в её квартиру, она сразу же налила

себе большой стакан виски и залпом его выпила. Затем снова наполнила стакан.

— Будь поосторожнее с этим, — посоветовал я ей.

Она прошла в ванную и закрыла за собой дверь. Через мгновение послышался шум воды. Я сел на диван и, закулив, постарался привести в порядок свои мысли.

Кора вышла из ванной в купальном халате и в резиновой шапочке. Без грима она казалась моложе. Она сразу же взяла стакан и, не моргнув глазом, выпила его залпом. Затем налила ещё, села в кресло напротив меня, подтянув под себя ноги.

— Чувствуешь себя лучше? — спросил я её.

— Да, конечно. В ближайшее время что-то должно произойти.

— Не делай из этого трагедию. Ты знаешь, что у тебя большой талант. В самом худшем случае тебе придётся пережить неприятную рекламу, только и всего.

Кора сделала большой глоток виски.

— Можно даже сказать, — продолжил я, — что вообще ничего не произошло. Я, по-видимому, найду способ заткнуть пасть этому Марти.

— Да разве в этом дело, если знает он — будут знать и другие.

— Я вижу, тебе нравится, когда тебя жалеют, — заметил я.

— О'кей, — пробормотала она. — Я очень хочу спать, но боюсь, что опьянела настолько, что не в состоянии добраться до постели...

Я поднял её на руки и понёс в спальню. Она доверчиво положила мне голову на плечо.

— Джек, не уходи... останься со мной... — бормотала она. — Ты — мой друг... и мне сейчас нужен... друг... ничего больше...

Я положил её в кровать и укрыл. Возвратившись в гостиную, я налил себе большой стакан виски и выпил его. Когда я ещё раз заглянул в спальню, Кора уже спала.

Выйдя на улицу, я направился в табачную лавку, где, как мне не изменяла память, было два телефонных аппарата.

Я позвонил Сандре Адамс в Центральное полицейское управление. К моему счастью, она на этой неделе работала в ночную смену. Сандра была не только полицей-

ским, но и хорошенькой рыжей девушкой. Внешностью своей она несколько не походила на полицейского и, поэтому большей частью ей приходилось выполнять специальные поручения.

Сандра, выслушав меня, пообещала тотчас же порыться в архивах, выяснив всё, что можно о Марти. Я сообщил ей номер телефона табачной лавки и повесил трубку.

В ожидании звонка от Сандры, я открыл дверь телефонной кабины и закурил сигарету. Если Марти был судим раньше, то удержать его в узде будет несложно. В противном случае придётся найти в его биографии какое-нибудь грязное дело и прижать его к стене. Я решил избрать именно эту тактику и ответить на шантаж шантажом.

Сандра позвонила через пятнадцать минут и сообщила мне, что на Марти Лоуренса никаких материалов в полицейских архивах нет. Я поблагодарил её, повесил трубку и стал обдумывать другие варианты.

В дверцу кабины постучала хозяйка табачной лавки, напомнила мне, что торговля заканчивается и лавка закрывается. У машины меня ожидал полицейский, который оштрафовал меня за стоянку в неположенном месте.

Мне надо было кое-куда позвонить. Один звонок был местный: моему знакомому, хорошо знающему нью-йоркских подонков. Два других—междугородних: частным детективам в Майами и Лос-Анджелесе, где бывал Марти.

Контора была ближе, чем квартира, поэтому-то я и решил позвонить из конторы. В тот момент, когда я сворачивал с Бродвея на улицу, где располагалась контора, фары моего автомобиля осветили плохо одетого человека, стоявшего в неосвещенном подъезде дома. Я узнал в нём старого пьяницу, который искусным ударом вывел из строя барменшу пару часов назад.

Я проехал мимо, не замедляя хода, свернул за угол и нашёл свободное место на стоянке недалеко от перекрёстка. Бросив машину, я почти бегом вернулся к тому месту, где видел старого пьяницу. Но его уже там не было. Когда я стоял, озираясь вокруг, я увидел, как из подъезда дома, где находилась моя контора, вышел Мэнни Стенфельд и тоже начал оглядываться. Мэнни работал рекламным агентом. Его контора находилась

рядом с моей. Сейчас он выглядел более нервным, чем обычно.

— Что случилось с полицейскими в этом городе? — задал он мне вместо приветствия вопрос. — Сколько времени им надо на дорогу?

— Зачем они вам понадобились?

— Я задержался на работе в своей конторе и вдруг после полуночи услышал выстрел, по крайней мере, мне показалось, что это был выстрел. Я выглянул в коридор, но никого не заметил. Тогда я позвонил в полицию, и вот до сих пор ожидаю её прибытия.

— Может быть, это был автомобильный выхлоп? — предположил я.

— На пятом этаже?

Я оставил его ожидать полицию и вошёл в подъезд. Войдя в кабину лифта я нажал кнопку пятого этажа. В коридоре я зажёл ночную лампочку и прошёл в прихожую своей конторы. Дверь моей конторы была закрыта на ключ, как я её и оставил. Я достал из кармана ключ, вставил в замочную скважину, повернул его, открыл дверь, вошёл в контору и зажёл свет.

На полу лежал мёртвый Марти Лоуренс.

5.

Он лежал, вытянувшись на спине, рядом с письменным столом, и его мёртвая рука сжимала пистолет тридцать восьмого калибра. На его лице застыло изумлённое выражение, глаза и рот были широко раскрыты. Моя тяжёлая металлическая пепельница валялась около него на полу.

Пепельница представляла собой круглую чёрную чашу с длинной ручкой и тремя железными ножками, выступающими как шипы. Кто-то использовал её в качестве орудия убийства, проломив Марти череп. На правой стороне виска хорошо было видно отверстие, окружённое уже застывшей кровью — след от одной из ножек пепельницы. Сбоку письменного стола, как раз над телом Марти, виделось пулевое отверстие. Я встал около Марти на колени, наклонился и понюхал ствол пистолета, который был зажат в руке мертвеца. Из него недавно стреляли, это чувствовалось по кисловатому запаху сгоревшего пороха.

Я осмотрел окно. То, которое выходило на Бродвей, было тщательно закрыто, как я его и оставил, другое же, выходящее во двор здания, — открыто. Рядом с ним находилась пожарная лестница, спускающаяся в тёмный дворик. Кроме мусорного ящика во двореке больше ничего не было. Марти и его убийца могли вполне забраться этим путем... и этим же путём убийца мог уйти.

Я снял телефонную трубку. Руки немного дрожали, когда я набирал номер Кора. С минуты на минуту должна была появиться полиция, и мне очень не хотелось, чтобы она застала меня около телефона.

Раздались гудки. Один... потом второй..

Я распустил галстук и расстегнул ворот рубашки, не сводя настороженного взгляда с входной двери. На восьмом гудке Кора сняла трубку.

— Да? — голос у неё был слабый и сонный.

— Это Джек. Проснись и бодрствуй. Скоро у тебя появится полиция.

— Полиция?! Почему! Ты откуда знаешь? — она, похоже, полностью проснулась.

— Я звоню из своей конторы. Здесь Марти Лоуренс. Мёртвый.

— Что?!.. Мёртвый?!

— Мёртвый. Убит.

— Нет, я не...

— Нет-нет, я его не убивал. И перестань, пожалуйста, задавать вопросы, а выслушай меня... если, конечно, не хочешь, чтобы вся история о твоём прошлом появилась завтра на первых страницах всех утренних газет. Расскажи полиции правду.. о твоей встрече с Марти и что потом произошло. Но ни слова не говори о сути шантажа. Ограничься тем, что тебе предложили по телефону приехать в Нью-Джерси для разговора, но не уточняли какого. Утверждай, что ты не знаешь, о чём должна была идти речь, и именно поэтому решилась на личную встречу.

— И ты думаешь, что полиция мне поверит?

— Неважно, поверит она или нет. Ты должна стоять на своём. Говори, что не знаешь, на что намекал Марти, но его тон тебя заинтриговал. Поэтому-то ты и поехала на встречу с ним, но так как немного побаивалась, то предварительно вошла в контакт с частным детективом, то есть со мной. Ну, а дальше рассказывай всё, как было:

Марти попытался тебя изнасиловать, я пришёл на помощь. Здесь не жалея красок. Потом мы ушли.

— Да, но не покажется ли полиции такая версия несколько смешной?

— Никто не имеет права оказывать на тебя давление, чтобы заставить сообщить какие-либо дополнительные факты.

— Но... а как же ты?— с волнением спросила Кора.— Я хочу сказать, что в твоей конторе...

Я едва успел положить трубку, из которой доносился голос Кору, как вошёл полицейский.

Он посмотрел на меня, потом на труп Марти. Снова посмотрел на меня, вытащил из кобуры пистолет и направил его мне в грудь. Полицейский был молод и неопытен. Он явно волновался.

— Он уже мёртв,— сказал я после недолгого молчания.— В этом нетрудно убедиться. Мистер Стенфельд, который слышал выстрел и вызвал вас, ожидал вас около входа в подъезд дома, он видел, когда я приехал и может это подтвердить.

Полицейский несколько успокоился, но не отвёл от меня оружия.

— Я — частный детектив,— продолжал я спокойным тоном.— У меня есть право на ношение оружия. В этой комнате находятся два моих пистолета: один лежит у меня в кармане, другой — в письменном столе,— и я осторожно, не делая резких движений вытащил свой пистолет 32-го калибра с коротким стволом и положил его на письменный стол. Потом, также неторопливо открыл ящик письменного стола, закрытый на ключ, достал оттуда «магнум» и, держа его за ствол, положил рядом с первым. После этого я отошёл от стола и прислонился к стене, принуждённо улыбаясь молодому полицейскому, чтобы как-то успокоить его.

Вошёл ещё один полицейский и, взглянув сначала на труп, потом на меня, крикнул в коридор, подзывая остальных. И хотя вновь появившиеся полицейские были несколько постарше, они были взволнованы не меньше своего молодого коллеги. С профессионально нарочитым безразличием они задавали мне вопросы и выслушивали мои ответы. В конце концов меня препроводили в Центральное полицейское управление Нью-Йорка, в бригаду по расследованию убийств к лейтенанту Флинту, который

вместе с заместителем районного прокурора и стенографистом раз десять за два с небольшим часа выслушали мой рассказ.

Я рассказывал правду, только правду, одну правду... за исключением истинных причин шантажа.

Флинт и помощник прокурора с непроницаемыми лицами выслушивали раз за разом мой рассказ, а стенографист записывал. Затем они на некоторое время вышли, заставив меня томиться в неприятном ожидании. Когда Флинт вернулся, вид у него был очень мрачный.

— Для вас есть свежие новости,— сказал он мне тихо.— Мы навели справки относительно Марти Лоуренса по его месту жительства в Нью-Йорке. Его подлинная фамилия не Лоуренс, а Лека...

Я не сразу понял в чём дело.

Флинт, видя недоумение, написанное на моём лице, поспешил уточнить:

— Это сын Фрэнка Лека. Единственный сын...

Я весь сразу обмяк и непроизвольно сглотнул слюну. Это уже было плохо. Флинт рассказал мне все, что известно полиции.

Марти вполне официально сменил фамилию, когда поступил в колледж в Калифорнии, чтобы его никто не связывал с делами папаши — известного гангстера. Закончив колледж, он некоторое время жил во Флориде, где у отца была вилла. Там он познакомился и женился на очень красивой девушке по имени Джейн. В качестве свадебного подарка папаша оплатил им свадебное путешествие в Европу на один год. По возвращении из Европы они поселились в Манхэттене.

Грэди, молодой здоровяк, подстриженный под ёжик, играл в футбол в том же самом колледже, где учился Марти. В те годы Грэди играл роль Пятницы при нём, получая за это какие-то подачки. А последнее время Фрэнк Лека платил ему уже как телохранителю сына.

Кажется, ни у кого из окружения Марти не было повода для его убийства... ни у кого, кроме меня. Но я не входил в его окружение.

Сразу после меня полиция допросила Кору, и её показания сравнивали с моими. Пригласили и других: Хаги — ту самую барменшу из «Черепашки», Глорию, Фрэнка Лека, квартирную хозяйку Марти Лека, экс-адвоката Виктора Рюнкона и молодую жену Марти.

Грэди, гориллу Марти, не смогли найти. Дома его не было. После того, как он покинул таверну со своей рыжей приятельницей, его никто не видел. Кто эта девушка, тоже никто не знал. Старого пьяницу, который так ловко уложил Хаги, не нашли.

По показаниям Глории и Хаги полиция смогла восстановить картину событий в таверне, происшедшую там после того, как мы с Корой ушли. Минут через десять после нашего ухода в зал спустился смертельно бледный Марти. Он был в бешенстве и, изрыгая проклятия в адрес «этой проклятой сколины», грозился показать ей... Понятное дело, что под «проклятой скотиной» подразумевался я. Он вышел из таверны и направился к своей машине. Грэди в это время находился всё ещё без сознания и рассчитывать на его мускулы не приходилось. Когда минут через пятнадцать после ухода Марти Грэди спустился вниз, барменши рассказали ему о происшедшем. По словам барменши, Грэди едва соображал, что происходит. Выслушав Хаги, он ушёл вместе с рыжей девичьей. И всё. По данным полиции, больше их никто не видел. Никто ничего не знал о поведении Марти после того, как он покинул таверну, и до того момента, как я обнаружил его труп в своей конторе.

Было абсолютно ясно, что я приговорён. И полиция это прекрасно понимала, поэтому обращалась со мной так, как принято обращаться с приговорёнными. Мне позволили отдохнуть на более или менее удобном диване в кабинете капитана Джерома. Флинт сходил в ближайший магазин и купил мне зубную щётку, бритву и рубашку с тем, чтобы я выглядел презентабельно... в последние часы своей жизни. Еду мне приносили в кабинет и постоянно снабжали сигаретами и кофе.

Всех остальных, задержанных в связи с этим убийством, отпустили ещё ночью, сразу после того, как с них сняли допрос. Меня задержали почти до полудня следующего дня, так как я был формально единственным подозреваемым.

Но, в конце концов, полиция была вынуждена отпустить и меня. Они сделали это после того, как просчитали по времени каждый мой шаг — от того момента, как мы с Корой ушли из таверны до звонка Сандре, и после того, как меня видел Манни Стенфельд.

...Вот поэтому-то я и вышел, в конце концов, из здания

Центрального полицейского управления, а у входа меня ожидали Фрэнк Лека и Виктор Рюнкон, после разговора с которым я в течение полутора часов пытался отделаться от навязчивых преследователей, чтобы иметь несколько минут свободного времени и обдумать своё положение.

И сейчас, сидя в этом небольшом ресторанчике в китайском районе, я почти физически чувствовал, что моя голова набита вопросами, на которые крайне необходимо найти ответы.

Весь преступный мир Ист-Ривера занимается сейчас лично мной, дабы показать каждому, что никто не имеет права даже думать об убийстве члена банды. И, тем не менее, мне необходимо возвращаться в их среде для того, чтобы найти убийцу Марти.

Потому что, если мне не удастся узнать, кто убил Марти, Фрэнк Лека окажется прав: я действительно мерзвец.

6.

Я отодвинул тарелку, не закончив еды, выпил остаток пива и принялся мысленно перебирать те вопросы, на которые необходимо как можно скорее найти ответы.

Куда пошёл Марти из таверны?

Где он взял пистолет?

Кто убил Марти?

Каковы мотивы убийства Марти?

Кто старый пьяница, который так профессионально уложил барменшу Хаги? Почему он оказался недалеко от моей конторы, когда там убили Марти?

Где Грэди, телохранитель Марти? Знает ли он что-нибудь полезное для меня?

Между тем, пока я размышлял над этими вопросами, в зале появился мужчина, одетый в синий в полоску костюм. Остановившись недалеко от входа, он внимательно оглядел зал. Его взгляд на какую-то долю секунды задержался на мне, потом он отвёл глаза. Закончив осмотр, мужчина повернулся и вышел из ресторанчика. Это вполне мог быть человек, которому здесь просто-напросто не понравилось. И вполне мог быть один из тех, кто ищет меня. В таком случае, если он меня узнал, весьма вероятно, что на улице меня поджидают и другие.

Оставив на столе несколько банкнот, я поднялся из-за

столика и ушёл через задний ход. Почти бегом прошёл через дворик, заполненный баками для мусора, вышел на соседнюю улицу. Сел в первый попавшийся автобус и проехал двенадцать остановок. Потом спустился в подземку, проехал три остановки и, выйдя на перрон, заполненный народом, почувствовал, что из толпы кто-то уж очень пристально смотрит на меня.

Я ещё немного попетлял в районе Хэлл Китчен, стараясь отделаться от неприятного чувства, будто весь город медленно сжимается вокруг меня. Когда сотни твоих фотографий находятся в недоброжелательных руках, на любой улице можно встретить человека, который опознает тебя и сообщит о твоём местонахождении.

Было похоже на то, что я начал испытывать чувство страха.

Я вошёл в первый попавшийся кинотеатр и уселся в центре пустого ряда. Полумрак успокаивающе действовал на нервы. Я смотрел на экран, но ничего не видел. Судя по музыке, демонстрировался мюзикл.

Какой-то мужчина вошёл в зал через центральный вход и занял место в том же ряду, где сидел я, слева от меня. Через некоторое время другой, вошедший через боковой вход, тоже уселся в том же ряду, что и я, но только справа. Не сводя глаз с экрана, я вытащил из кармана 32-й с коротким стволом, прижал его к бедру и спустил предохранитель. Оба вошедших, похоже, были увлечены фильмом. А мне на память пришло убийство в кинотеатре, совершенное в прошлом году. Наёмный убийца в том случае воспользовался пистолетом с глушителем. Никто ничего не услышал в грохоте, несшемся с экрана. Убийца же, сделав своё дело, поднялся с места и спокойно ушёл. Труп обнаружили только после окончания фильма, когда зажгли свет.

Я поднялся, прижимая пистолет к бедру. Никто не обратил на меня внимания. Я направился к боковому выходу, стараясь по возможности никого не выпускать из поля зрения. Человек, сидевший слева от меня, не пошевелился, другой чуть приподнялся, пропуская меня, не отрывая при этом глаз от экрана. Когда я прошёл, он принял прежнюю позу.

Пятясь вдоль стены к боковому выходу, я не сводил глаз с этих двоих, но они продолжали смотреть фильм. Я остановился около выхода и, сжимая рукоятку пистоле-

та, выждал минуты две. Никто не повернул головы, чтобы посмотреть в мою сторону, никто в зале не поднялся, чтобы выйти вслед за мной. Я опустил пистолет в карман пиджака. Ладонь была совершенно мокрой, и я вытер её о брюки. Сердце снова начало биться нормально. Так больше не может продолжаться! Если не удастся взять себя в руки, то лучше спрятаться где-нибудь и ждать, пока тебя не найдут! Если я буду продолжать играть с гениями, то у меня не останется времени ни на что другое. Такая игра бесполезна.

Был только один способ избежать парализующего чувства присутствия преследователей: думать о своей охоте.

Рядом с выходом оказалась телефонная кабина. Для начала я позвонил Сандре в Центральное полицейское управление.

Её голос в телефонной трубке звучал взволнованно и напряженно.

— Джек... Как дела? Где ты?

— Хорошо... Неважно... Нашли Грэди?

— Нет, ещё не нашли. Исчез... Джек, не возвращайся ни домой, ни в контору, ходят слухи, что отдан приказ убить тебя...

— Это не только слухи,— ответил я.

— Тебе надо найти надёжное место, где можно спрятаться... Может быть, у меня дома, Джек?

— Нет, это созсем ненадёжное убежище. Как только они убедятся, что я не появляюсь ни дома, ни в конторе, они начнут искать меня у друзей. И слишком многие знают, что ты мой друг.

Сандра была больше, чем другом. Она являлась яблоком раздора между мною и лейтенантом Флинтом, именно из-за неё у меня сложились с ним натянутые отношения.

— Но я хочу тебе помочь,— продолжала настаивать Сандра.

— Ты можешь это сделать,— ответил я.— Постарайся узнать всё, что можно о расследовании по этому делу и, если позволит начальство, предприми собственные шаги.

— К черту начальство!— воскликнула Сандра.— Что тебе нужно?

— Узнать всё о Марти. О его прошлом, о его друзьях, о его перемещениях в последнее время, о каждом, кто его ненавидел и кто его мог убить.

Она некоторое время молчала.

— Здесь у нас считают, что убил его ты, защищаясь.
— Пусть считают. Ты только постарайся добыть информацию, которая мне нужна.

— Ты же знаешь, Джек, что я сделаю всё, что смогу. Куда тебе позвонить, если у меня окажется что-нибудь стоящее?

— Я сам тебе буду звонить регулярно.

— Хорошо... Джек, будь осторожен!

После этого я позвонил Коре. Никто не ответил. Тогда я позвонил по служебному телефону в дом моделей. Трубку взяла её белокурая помощница, Лорейн Найт.

— Мисс Шейл нет. Она позвонила мистеру Стронгалу и предупредила, что её не будет несколько дней.

— Она не сказала, куда уехала?

— Нет, не сказала.

— Мне необходимо срочно увидеть её. Если она позвонит, скажите, что её разыскивает мистер Бэрроу.

— Куда вам позвонить?

— Пусть она оставит свой номер телефона, я позвоню ей сам. А мистер Стронгал сегодня на работе?

— Да, он у себя.

— Можно с ним переговорить?

— Конечно.

Я подождал пока Лорейн Найт соединялась с коммутатором и просила переключить аппарат на кабинет мистера Стронгала. Исчезновение Кору меня озаботило. У меня было к ней много вопросов, и она должна была это понимать.

Наконец, в трубке раздался голос секретарши мистера Стронгала, я назвал своё имя.

— Мистер Бэрроу?— пророкотал в трубке голос Стронгала.

— Да, это тот частный детектив, которого Кора вчера представляла вам в...

— Я помню. То, что произошло, ужасно. Мисс Шейл мне всё рассказала сегодня утром по телефону. Потом это появилось в газетах. Ей всё это очень неприятно, но вы сами понимаете, что могло быть и хуже. Слава богу, что нет никаких намёков на её прошлое.

— Вы не знаете, где сейчас Кора?

— Дома, я думаю. Она сказала мне по телефону, что очень расстроена из-за всего случившегося, и что она не придёт несколько дней в контору. Я её прекрасно понимаю. Пусть немного отдохнет.

Я поблагодарил его и повесил трубку. Возможно, Кора выходила из дома, когда я звонил ей. Я набрал её домашний номер ещё раз. Опять никто не взял трубку. Тогда я позвонил телефонистке в своей конторе. У неё оказалось для меня сообщение от Кору. Она звонила мне часа четыре назад и просила передать, что позвонит несколько позднее или в контору, или домой.

У меня не было ни малейшего желания ожидать её телефонного звонка ни в том, ни в другом месте, поэтому я попросил телефонистку, чтобы Кора оставила номер телефона, по которому я смогу её найти.

Следующий мой разговор состоялся со знакомым торговцем подержанными автомобилями. Мне была необходима машина для передвижения, а от своей машины следовало держаться подальше. За ней могли не только приглядывать, но и сунуть в неё бомбу.

Тот, услышав мой голос, явно занервничал.

— Джек?! Как дела?

Пока хорошо. Ты уже знаешь?

— А кто не знает?

— Мне необходима твоя помощь.

Наступила пауза.

— Чёрт возьми... Прямо не знаю, Джек...

— Ты мне должен, и не мало,— сухо напомнил я ему.

— Да, конечно... Но если кто-нибудь узнает, Джек, мне будет плохо...

— Никто ничего не узнает,— прервал я его нытьё.— Всё что мне от тебя надо — это только автомашина. В хорошем состоянии.

— Если кто-нибудь увидит тебя здесь...

— Не увидит и не узнает. Я не собираюсь её покупать, а возьму только на время. Оставь машину за пару кварталов от своего гаража, а ключ положи под переднее сиденье.

— Надеюсь, что она останется в целости и сохранности?

— Для твоих надежд как раз и существуют страховые компании. Кончай болтать, ты уже знаешь, что надо делать.

— О'кей. Я в трудном положении... Есть «бьюик» в хорошем состоянии, голубой с коричневым,— он назвал мне номер.— Я оставляю его на Мерсер-стрит, в трёх кварталах отсюда.

— Прекрасно. Спасибо.

— Не благодари и больше не обращайся. Очень осторожно быть у тебя должником.

Я вновь ощутил приступ страха, но усилием воли отогнал его и приказал себе заниматься делами.

И, прежде всего, наиболее важными. К таковым относился разговор с барменшей Хаги. Её необходимо было прижать так, чтобы она рассказала мне всё и даже то, что она не рассказывала полиции.

Голубой с коричневым «бьюнк» стоял у тротуара на Мерсер-стрит. Я достал ключ из-под переднего сиденья и объехал сначала вокруг Вест-Сайда, чтобы убедиться в отсутствии слежки. Лишь убедившись, что у меня нет «хвоста», я отправился в Нью-Джерси.

Перед таверной я сбросил скорость и поехал медленнее. На стоянке не было никаких автомобилей. Я оставил машину на автостраде и вернулся к таверне пешком. Обошёл за кустарниками парадный вход, перелез через забор и начал искать чёрный ход. Гараж был открыт, и машина стояла на месте. Похоже на то, что Хаги была здесь. Несколько минут я простоял в гараже, наблюдая за окнами дома. Ничего подозрительного я не обнаружил. Я быстро пересёк дворик и толкнул заднюю дверь. Она оказалась открытой. Я вошёл в дом.

Бесшумно закрыв за собой дверь, я постоял, ожидая, пока глаза привыкнут к полутьме помещения, затем огляделся. Я оказался в маленькой комнате за баром. Передо мной, за занавесом, находилась дверь, справа — лестница, ведущая на второй этаж. Хаги могла быть либо в баре, либо — у себя.

Зажав в руке пистолет, я отодвинул занавес и приоткрыл дверь. В зале никого не было. За моей спиной слышался шорох. Я обернулся. На лестнице стояла Хаги. Она удивленно смотрела на меня.

— Какого чёрта ты здесь делаешь?

Я поднял пистолет, чтобы она его смогла получше разглядеть.

— Вперёд! — приказал я ей. — Если ты будешь послушной, с тобой ничего не произойдёт.

Из бара, который показался мне пустым, вдруг раздался голос:

— Точно так же следует вести себя и тебе, Бэрроу! Не двигайся и брось пистолет!

Я слегка повернул голову и увидел широкое конопатое лицо бандита, который стоял справа от стойки с пистолетом 38-го калибра, направленным мне в спину.

Я разжал руку, и мой пистолет упал на пол. Продолжая держать меня под прицелом, человек позвал:

— Винци!

Открылась дверь, выходящая на лестничную площадку, и появился крепкого сложения молодой человек с чёрными напояженными волосами и с автоматическим пистолетом 45-го калибра в руке. Улыбаясь, он поднял пистолет и прицелился мне прямо в лицо.

7.

Хаги испугалась.

— Не убивайте его здесь,— дрожащим голосом попросила она.— Только не здесь. Я...

— Закрой пасть!— прервал её бандит с напояженными волосами.— Возвращайся к себе и сиди там!

Хаги поспешно скрылась. Было слышно, как наверху хлопнула дверь. Я стоял, держа руки на высоте плеч, готовый выхватить «магнум» при первой же возможности. Но тип на лестнице не сводил с меня глаз и пистолета. Его веснушчатый коллега находился в нескольких метрах слева и держал меня под прицелом 38-го.

— Джип!— позвал бандит с лестницы.— Ты готов?

— Да,— откликнулся тот.

Более молодой спустился до половины лестницы, продолжая целиться мне в лицо, потом остановился.

— Эй, Бэрроу, повернись, если хочешь ещё пожить.

— Ты хочешь сказать, что у меня есть выбор?— спросил я.

Он засмеялся.

— Конечно! Либо мы тебя убьём сами, либо... Фрэнк Лэка лично.

Джип, бандит, стоявший около бара, закричал:

— Ты слышал, что тебе сказал Винци? Тогда поворачивайся, да поживее! Второй раз повторять не стану. Живо получишь пулю! Хотя мне лично хочется получить премию за доставку тебя живым, но особенно утруждаться я не стану...

Я повернулся, стараясь как можно более незаметно и непринуждённо передвинуть правую руку поближе к отвороту пиджака.

— Я тебя предупредил!— заорал Джип, замегив это движение.

Моя рука замерла. За спиной Винци приказал:

— Шагай вперёд и обопрись руками о стену!

Я посмотрел на стену и подумал о пистолете под мышкой, а также о смерти от пули в спину или в какое иное место. Потом сделал несколько шагов вперёд и упёрся руками в стену.

Джип подошёл ко мне сбоку и ловко обыскал свободной рукой. Сделал он это довольно профессионально, не оставляя мне ни малейшего шанса. Пистолет он прижал к моей спине. Кроме того, не следовало забывать и о 45-м калибре Винци. Когда бандит отошёл, у него в руке был мой «магнум».

— О'кей, Бэрроу. Теперь иди в бар,— проговорил Винци.

Я повернулся. Винци уже поднял мой 32-й и опять стоял на лестнице. Он сунул мой пистолет в карман своего пиджака. Его же пистолет был направлен теперь в мой живот.

— Ну, до чего же хитёр этот Рюнкон!— сказал он Джипу.— Это же надо так точно сообразить, что Бэрроу обязательно придёт сюда.

— Конечно, хитрый, а это что — новость для тебя?— Джип всё ещё находился в зале и не сводил с меня глаз.— Пошли, Бэрроу...

Я двинулся, чувствуя за своей спиной шаги Винци.

— Позвони Лека,— приказал Джип.

— О, он обрадуется такому известию!— воскликнул Винци.— Держу пари, что он будет убивать Бэрроу два дня.

— Мы ещё не доставили его Лека,— равнодушно заметил Джип.

— Ну, в этом нет ничего сложного. Мы отвезём его в багажнике автомобиля,— и он подошёл к телефону, стоящему на стойке. Посмотрел на Винци, потом на меня. Но не спешил брать трубку. Головой сделал знак в направлении одного из столиков.— Садись там и положи руки на стол...

Я сел и положил руки на стол. Винци остался стоять на некотором расстоянии, продолжая держать меня под прицелом.

— Можно закурить?— спросил я у него.— Может быть, это в последний раз...

Винци засмеялся.

— Ты хладнокровный парень. Кури!

Я достал пачку сигарет и сунул одну в зубы. Потом предложил пачку Винци.

— Закуришь?

Если бы он отказался, было бы плохо. Но он не отказался. Он взял сигарету свободной рукой, держа свой пистолет как можно дальше от меня.

— Ты действительно хладнокровный парень,— повторил он почти с восхищением.— И как это тебя угораздило убить единственного сына Лека?

Я пожал плечами:

— Такое с каждым может случиться...

Нащупав в кармане зажигалку, прежде чем дать ему прикурить, я до отказа повернул колёсико, регулирующее высоту пламени. Вынув зажигалку, я поднёс её к сигарете Винци. Он наклонился вперёд. Я нажал кнопку. Пламя ударило ему в лицо, прямо в глаза. Он завопил, бросил сигарету и схватился свободной рукой за глаза, одновременно нажав на спуск пистолета. Но я был готов к подобной реакции и бросился на него. Пуля 45-го калибра пробила стол, прошла рядом со мной и прошла мне каблук. Наклонив голову, я ринулся вперёд, ударил его в грудь и вырвал пистолет. Он почти не сопротивлялся, занятый своими обожжёнными глазами.

Я гут же упал на пол. В это время Джип, бросив трубку телефона, выстрелил в меня из-за стойки, но пуля прошла высоко. Боясь попасть в Винци, он прицелился ещё раз, но это потребовало времени. Я выстрелил раньше его. У меня была неудобная позиция, кроме того, стойка бара прикрывала его, но, тем не менее, мне удалось попасть ему в левую руку. Его крутнуло на ногах. Я быстро вскочил и бросился к нему, стреляя на ходу. Пули разбили зеркало и несколько бутылок на полках. Посыпались осколки, послышался звон разбитого стекла. Я перекатился через стойку и свалился по её другую сторону.

Джип, согнувшись, пытался защищаться от осколков стекла, сыпавшихся на него. Я выстрелил на лету, еще не коснувшись пола. У него под левым глазом расплылось большое кровавое пятно. Он повалился на пол, голова глухо стукнулась о стойку бара.

Рывком я поднялся на ноги, готовый стрелять из-за

стойки. Но Винци по-прежнему не способен был что-то делать. Он продолжал лежать на полу и выл от боли. Я спокойно обошёл стойку, забрал у него свой 32-й и засунул в карман пиджака.

Со стороны лестницы послышался какой-то шум. Я осторожно отодвинул занавес. Хаги в этот момент закрывала за собой дверь. Её рука ещё лежала на ручке двери, когда я окликнул её. Она обернулась и, увидев меня, в ужасе закрыла лицо. У меня к этому времени в каждой руке было по пистолету.

— Иег...— взмолилась она,— не надо... прошу вас...

— Я здесь не для того, чтобы убивать,— сказал я.— Иди в бар!

Хаги поспешно послушалась. В зале на полу она сразу же увидела воющего Винци, держащегося руками за глаза.

— А где другой? — с трудом проговорила она.

— За стойкой. Можешь взглянуть.

Я подошёл к Винци и с силой ударил его рукояткой пистолета по голове: он затих и вытянулся на полу. Я стёр отпечатки пальцев с его пистолета и бросил рядом с ним. Без свидетелей мне будет легче разговаривать с Хаги. Свой «магнум» я засунул в кобуру под мышкой.

— Расскажи мне, что делал Марти, когда я ушёл. И не вздумай врать.

Хаги подумала немного.

— Позвольте вспомнить... Он сказал девушке с рыжими волосами, что больше знать не желает Грэди, потому что тот не выполняет своих обязанностей. Потом он убежал вне себя от бешенства,— ещё немного подумав, она покачала головой.— И это всё, что я помню. У меня с головой тогда было ещё не всё в порядке, я не вру. Я едва пришла в себя, когда Марти спустился, а вы уже ушли...

— Кто этот пьяница, который ударил тебя?

— Я о нём ничего не знаю.

— Ты раньше видела его?

— Да, видела. Два или три раза, может быть, четыре. Он появлялся здесь несколько раз за последние две недели. Он не разговаривал ни со мной, ни с кем-нибудь из посетителей. Обычно усаживался за стойку и заказывал самое дешёвое вино.

Пока она говорила, я не сводил с неё глаз. Ничто не говорило, что она врёт.

— Ты не знаешь, почему он тебя ударил?

— Клянусь, не знаю.

— О'кей. Что произошло после того, как Марти выбежал из бара?

— Я ещё не совсем пришла в себя. Глория намочила полотенце и приложила к тому месту, куда ударил меня этот тип. Рыжая продолжала сидеть за столиком, как ни в чём не бывало. Она не произнесла ни одного слова. Чуть позднее она поднялась наверх, чтобы посмотреть, что случилось с Грэди. Спустились они вместе. Она рассказала ему всё, что говорил о нём Марти.

— Как они вели себя?

— Не могу сказать. По-моему, обыкновенно.

— Из их поведения было видно, что они знают, кто я такой?

— Они вообще не говорили о вас. Просто ушли, и всё.

— Как зовут девушку Грэди?

— Вчера вечером я увидела её в первый раз.

— Ты называла её подружкой Грэди?

— Я этого не говорила. Я просто хотела сказать, что они пришли вместе.

— А Марти?

— Он тоже пришёл вместе с ними, но мне показалось, что девушка была вместе с Грэди.

— Значит, ты ничего не знаешь о ней? Кто она, где живёт, кем работает?

— Ничего. Это правда...

Я глянул на Винци, но тот был ещё без сознания. К сожалению, Хаги не сообщила мне ничего нового.

Я попытался ещё раз.

— Что произошло после того, как Грэди и рыжая ушли?

— Ничего,— ответила Хаги, но в её глазах мелькнуло что-то.

Я приставил ствол пистолета к её лбу. Наверное, он был очень холодным. Барменша без промедления выложила всё остальное, захлёбываясь, глотая слова...

— Я была очень обеспокоена происшедшим, поэтому после ухода Грэди решила позвонить Лека. Но вы не должны мне ставить это в вину. Если бы я этого не сделала, а Марти влип бы в какую-нибудь историю, Лека узнав, что всё это началось в моём заведении, спустил бы с меня шкуру. Но Лека не оказался дома. Тогда я решила позвонить Виктору Рюнкону, но того тоже не

оказалось дома. Тогда, наконец, я позвонила в Нью-Йорк, домой Марти. Мне ответила его жена. Я рассказала ей всё, что здесь произошло, естественно, за исключением того, что Марти пытался сделать с девушкой. Я просто сказала, что у её мужа произошла стычка с одним человеком, и он в бешенстве отправился разыскивать своего обидчика. Жена уверила меня, что предупредит мистера Лека или мистера Рюнкона, если ей удастся их найти.

— Была ли она обеспокоена случившимся?

— Не очень. Мне кажется, что она уже успела к этому привыкнуть. Марти был очень резким пареньком.

— Ты его хорошо знала?

Хаги пожала плечами.

— Он часто приходил сюда.

— А Фрэнк Лека?

— Конечно. Мистер Лека имеет милях в десяти отсюда свой собственный дом. Он очень влиятельный человек в нашем округе.

— Что тебе сказал Марти, когда просил комнату на вчерашний вечер?

— Он сказал мне, что ждёт одну подружку, с которой он хотел бы уединиться. Но клянусь вам, я не знала, что он перейдёт все границы...

Я снова ткнул её в лоб пистолетом.

— Не лги, Хаги, — терпеливо предупредил я её. — Ты не очень-то была удивлена, когда наверху всё это началось. Потом, насколько я помню, ты пыталась помочь Грэди, когда я намеревался подняться наверх.

Она отвернулась.

— Хочешь составить компанию Джипу, там, за стойкой?

Хаги сжала руки, чтобы унять дрожь.

— Хорошо, я расскажу всё. Марти в этой комнате уже не раз развлекался с женщинами и каждый раз с разными. Мне это всегда было неприятно... — она бессильно развела руками. — Но что я могла поделать? Сказать: нет? Ведь он был сыном Фрэнка Лека...

— Понятно. У Марти было здесь уютное гнёздышко для его жестоких игр, потому что его отец имеет большое влияние в этом округе. Если какая-нибудь девчонка и пожалуется в полицию — это не страшно: ведь ты в кармане у Лека! Следовательно, Марти мог здесь делать всё, что ему заблагорассудится, не опасаясь никаких последствий.

Хаги согласно кивала головой:

— Да, это так. Но ведь я в этом не виновата, ведь правда же? Что я могла поделать?

Можно было её заставить рассказать что-нибудь ещё, но едва ли я узнал бы что-нибудь ценное для себя. Пора было уходить. Я оставил Хаги в баре, грустно смотрящей на разбитое зеркало и бутылки.

Возвращаясь в Нью-Йорк, я тщательно перебрал в уме всё, что узнал.

Я не очень опасался преследования полиции за убийство Джипа. Да и Хаги вряд ли станет звонить в полицию. Скорее всего она сообщит об этом или Лека, или Рюнкону, и они пришлют кого-нибудь за трупом. Труп они бросят в какое-нибудь болото и забудут о нём.

Но обо мне они не забудут.

8.

Один из моих самых полезных друзей — Рэй Фаллон — работал хроникёром в «Дейли ньюс». Там ему обещали пост редактора. Я нашёл его за письменным столом в редакции. Рэй плечом придерживал телефонную трубку около уха, а двумя пальцами что-то печатал на пишущей машинке.

На моё появление он прореагировал с явным удивлением.

— Ты ещё жив? Все мои информаторы в городе говорят одно и то же: похоже, что ты уже труп!

— Большое спасибо. Сейчас на меня подобные разговоры действуют как инъекция адреналина.

— А что ты скажешь о глотке виски?

Я покачал головой.

— Что мне сейчас очень нужно, так это информация о прошлом Марти Лоуренса. Мне хотелось бы посмотреть редакционное досье на него.

— Тебе не повезло. На него ничего нет. Я всё просмотрел сегодня утром, когда надо было писать статью о его смерти.

— И так ничего и не нашёл?

— Ничего. Похоже, Фрэнк Лека держал сына подальше от своих дел. Всё, что он делал — вполне законно. Документы оформлялись на Лоуренса. Ни одно из наших отделений не имеет на него никаких материалов ни как на Лоуренса, ни как на Лека...

— Можно посмотреть досье, касающиеся Фрэнка Лека?

— Посмотрю, конечно. Но вряд ли ты чего-нибудь найдешь. Я уже и это досье полистал.

Я не сомневался в его правоте, но не имел права упускать ни малейшего шанса. Может быть, мне удастся отыскать мотивы убийства в сведении счётов с отцом Марти?

Я ожидал, пока Фаллон сходит и принесёт из архива досье на Фрэнка Лека. Он скоро вернулся вместе с четырьмя толстыми папками. Вырезки из газет, бумаги содержали обширную информацию о кровавой карьере Лека, которая в общих чертах мне была известна. Но ни в одной из бумаг, охватывающих тридцатилетнюю карьеру Фрэнка Лека, не было ни малейшего упоминания о сыне. Единственным упоминанием о том, что Лека был женат, являлся обширный газетный отчёт о похоронах его жены — весьма, кстати сказать, шикарных, — состоявшихся в Нью-Джерси пять лет назад. В траурной церемонии принимали участие главари самых крупных национальных гангстерских «синдикатов», в «кадиллаках», сопровождавших катафалк на кладбище, находилось всё правление «синдикатов», наиболее видные политики Нью-Йорка и Нью-Джерси. Коннектикута и Пенсильвании. Хотя Марти несомненно участвовал в похоронах матери, о нём не было упомянуто ни единым словом.

За час мне удалось просмотреть всего лишь две папки; глядя на две оставшиеся, я уж было почти решил их не смотреть, но всё-таки машинально открыл одну больше из упрямства, нежели надеясь что-либо в ней обнаружить...

Ничего о Марти я так и не нашёл, но зато в четвёртой папке обнаружил газетную вырезку, весьма меня заинтересовавшую. В этой папке находились относительно свежие материалы. Газетная вырезка представляла собой четырёхлетней давности хронику — всего лишь две небольшие колонки. Заголовок: «Полицейский обвиняется в не оказании помощи». Под заголовком была помещена фотография полицейского. Это был тот самый оборванный пьяница из таверны, исчезнувший сразу после того, как уложил Хаги на пол, и вновь появившийся спустя полтора-два часа недалеко от моей конторы.

Я быстро пробежал статью, затем ещё раз медленно её перечитал. Этого полицейского звали Джордж Чисс. Он работал полицейским следователем в Нью-Йорке и

занимался расследованием убийств. Его долгая и безупречная служба в полиции закончилась внезапным увольнением. Он был обвинён в том, что сбил машиной женщину и не остановился для оказания ей помощи. Суд приговорил его к девяти месяцам тюремного заключения за это и ещё к десяти месяцам — за управление автомобилем в нетрезвом виде.

Статья оказалась в досье на Лека потому, что обвиняемый клялся на расследовании и на суде, что всё это подстроено Фрэнком Лека.

Чисс показал, что он был занят расследованием дела одного преступника, и в этом деле оказался замешанным Фрэнк Лека. Чтобы помешать ему вести дело дальше, Лека разработал и осуществил следующий простой план: он поручил угнать машину Чисса, сбить ею кого-нибудь. Машину обнаружили через полчаса после того, как была сбита женщина. На переднем сиденье лежала почти пустая бутылка виски... После того, как установили принадлежность машины и пришли к Чиссу домой, то обнаружили его совершенно пьяным.

На процессе выяснилось, что Чисс пьёт последние шесть месяцев после того, как похоронил жену. Фрэнк Лека умело воспользовался этим обстоятельством.

Из статьи следовало, что до того, как Чисс начал пить, он считался в полиции уважаемым человеком: жестоким, но справедливым полицейским, настойчивым следователем по особо трудным делам. Прекрасный послужной список включал в себя три случая проявления особого мужества при задержании весьма опасных преступников.

Я позвонил Сандре. Ей ничего не удалось обнаружить относительно Марти, но она сообщила мне свежую новость: не только меня разыскивают по всему городу гангстеры. Приговорённым оказался и Грэди за то, что не смог исполнить своих обязанностей телохранителя.

Я попросил Сандру узнать адрес бывшего полицейского Джорджа Чисса. Она позвонила мне через десять минут и сообщила его.

По этому адресу я обнаружил двор на самой окраине старого района Бруклина. Улица вся была загромождена автомобилями. Старый замызганный «форд», который я уже видел около таверны «Черепаша», стоял тут же.

Я зашёл во двор сквозь один из проломов в ограде.

Толстяк в полотняных штанах и грязном свитере обернулся ко мне.

— Что вам угодно?

— Здесь живёт Джордж Чисс?

Толстяк ткнул грязным указательным пальцем куда-то в глубь двора.

— Вот его жилище.

Это был барак, крытый железом, на окнах висели занавески. Звонка не было.

— Он дома?

— Угу.

Я пошёл к бараку и постучал. Хриплый голос ответил:

— Войдите.

Я открыл дверь и вошёл. Внутри оказалась одна комната. Отапливалась она печкой, освещалась двумя керосиновыми лампами, укреплёнными на стенах. Полосатая занавеска закрывала угол комнаты, где, по-видимому, находилось санитарно-гигиеническое устройство.

Мебель состояла из большой кровати, кухонного стола, комода, платяного шкафа и маленькой плиты. В комнате было убрано и удивительно чисто.

Едва закрыв за собой дверь, я увидел такое, от чего внезапно похолодел. Из громадной позолоченной рамы, висевшей на стене, на меня смотрел Фрэнк Лека.

Джордж Чисс сидел на единственном стуле в комнате и раскрашивал колёса от детской коляски. Он был без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами. Во всём остальном он выглядел так же, как и в таверне: худой мужчина с редкими волосами, бледным лицом, животом. Чувствовалось, что некогда он был красивым. Рядом с ним на полу стояла бутылка. В свободной руке он держал наполовину наполненный стакан.

При моём появлении тёмные глаза Чисса изменились. Из них исчезло пустое и бессмысленное выражение. Взгляд стал прямым и пронизательным.

— Долго же вы меня искали! — сказал он.

— А вы ожидали меня?

— Конечно. Для этого не нужно быть провидцем.

— Я бы не рискнул утверждать, что вы очень рады меня видеть.

— Почему же? Вы теперь мой самый лучший друг, — он выпил немного вина и с отвращением посмотрел на остаток в стакане.

— Отчего вы считаете меня своим лучшим другом?

— Из-за убийства Марги.

— Но я его не убивал!

Джордж Чисс пожал плечами и улыбнулся.

— Неважно. Фрэнк Лека считает, что это ваша работа, и намерен свести с вами счёты. Лично. Мне бы очень хотелось присутствовать при этом.

— И поэтому вы считаете, что я ваш лучший друг?

— Точно,— он прикончил оставшееся в стакане пойло, поставил пустой стакан около бутылки и вернулся к своей работе.— Позвольте мне сперва закончить, а потом мы с вами поговорим.

Я согласился. Рисовал он ловко и уверенно, так что, глядя на него, я невольно вспомнил, как он лихо и непринуждённо уложил одним ударом ладони Хаги на пол в таверне.

— Вы здорово работаете,— сказал я.— Материал подбираете среди рухляди?

— Знаете, что это будет, когда я закончу?

— Детская коляска?

— У вас плохо с фантазией! Это будет скамеечка на колёсах. Нет... миниатюрный бар для игрового зала или для патио. Когда краска высохнет, я здесь прикреплю полированную досточку или полочку для бутылок и ведёрко со льдом. Изобретательно?

— Очень,— искренне согласился я.

Чисс слегка повернул голову в мою сторону и сказал:

— Вы думаете, что я ненормальный. Это не так. Многим нравятся оригинальные вещи... такие, например, как эта будет. Я же этим зарабатываю себе, в некотором роде, на жизнь. Я подбираю из хлама всякую рухлядь и переделываю в такие вот вещи. Владельцы лавочек случайных вещей охотно берут их у меня и продают любителям... Почему вы не садитесь?

Единственным местом, куда бы я мог сесть, была кровать. На неё я и уселся. Чисс тем временем продолжал свою работу.

— Сначала это занятие было моим хобби,— продолжал он, не поднимая глаз.— Это было тогда, когда была жива ещё моя жена... давно... я не думал, что придёт день, когда это станет моим основным занятием... эту работу можно выполнять в любое время, днём и ночью... и она не мешает моим другим основным занятиям

— Каким?

— Пить и заниматься Фрэнком Лека и всем тем, что так или иначе касается его.

Он наложил последний мазок на колесо и выкатил коляску за дверь. Через минуту он вернулся в комнату, закрыл за собой дверь и сказал:

— У вас, наверняка, много вопросов ко мне. Выкладывайте!

— Вы их знаете.

Чисс кивнул головой. Он взял с пола бутылку и наполнил стакан:

— Не хотите?

Я отрицательно покачал головой. Он поставил бутылку опять на пол:

— Гадкое вино, но зато дешёвое.

— Напиваться — не лучшее занятие, если интересуешься Фрэнком Лека.

Чисс сделал глоток и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Я пью не столько, чтобы напиться до беспамятства. Только для того, чтобы взбодриться. Это единственная возможность сохранить терпение. Вы знаете, что меня выгнали из полиции?

— Да.

— Это было четыре года назад. И всё это время я ожидал, а ждать очень тяжело.

Он направился к комоду и поставил на него стакан. Затем, наклонившись, открыл ящик и вынул оттуда что-то. Когда он повернулся ко мне, в его руке был пистолет.

9.

— Это был «кольт» 38-го калибра с коротким стволом. Чисс не целился в меня, а просто держал его в руке. Он прошёл через всю комнату и остановился перед портретом Фрэнка Лека в позолоченной раме.

— Я обзавёлся этим пистолетом по выходе из тюрьмы. Это было первое, что я тогда сделал. Я провёл очень много времени в Нью-Джерси, где он живёт, и перед его хонторой в Манхэттене. Однажды мне представился великолепный случай. Он вышел из своей конторы вместе с тремя своими прихвостнями, и в течение нескольких секунд его силуэт чётко вырисовывался на фоне проёма

двери. Стрелять было очень удобно. Я мог бы вышибить ему мозги, прежде чем его прихвостни смогли бы вмешаться.

Чисс отошёл от портрета.

— Но я не сделал это. Мне вдруг пришла в голову мысль, что смерть Лека от моей руки — это совсем не та месть, которую я хочу. Смерть должна быть от чьей-то другой руки. Так я его тогда и отпустил. И чтобы больше никогда не возникало желание воспользоваться пистолетом, я снял с него предохранитель и выбросил в реку.

— Но сохранили пистолет, — заметил я.

— Да, конечно. По натуре я барахольщик. Не люблю выбрасывать вещи, — он посмотрел на пистолет. — Может быть, я когда-нибудь сделаю из него оригинальную зажималку.

Он бросил «кольт» обратно в ящик комода, задвинул его и сделал большой глоток вина.

Затем он уселся на стул, держа полупустой стакан у колена.

— Видите ли, мои взаимоотношения с Лека начались ещё тогда, когда я работал в бригаде по расследованию убийств. Я обнаружил его следы при убийстве одного преступника. Одного из тех, кого Лека ликвидировал лично, когда он ещё сам занимался грязной работой. Я отдал расследованию этого дела очень много сил, своего личного времени. Не знаю как, но Лека почувствовал, что ему становится жарко. Тогда у меня в офисе появился Виктор Рюнкон и посоветовал бросить это дело. Я отказался.

— И они подстроили так, что вас выгнали из полиции, не так ли?

Чисс кивнул.

— И приговорили к полутора годам заключения. Как вы считаете, прав был я, отказавшись от убийства Лека?

— Думаю, что правы.

Он наклонился вперёд и, глядя на меня заблестевшими глазами, заговорил:

— Мне ведь не это нужно. Я хочу, чтобы это сделал закон. Хочу видеть его в суде. Сделать то же самое, что он сделал со мной, — он огкинулся назад и неприятно сощурил глаза. — Месть сладка, но справедливость ещё слаще.

— Но это чертовски трудно осуществить.

— Да. К сожалению, с некоторых пор Лека лично не совершает никаких преступлений. Единственная возможность привлечь к суду за убийство человека такой мощи и с такими связями, как у Лека — это поймать его на месте преступления с оружием в руках и жертвой у его ног. Поэтому я и вооружился терпением и... — он поднял стакан, — ... дождался вас.

Я посмотрел на него.

— И вы надеетесь, что Лека решит лично прикончить того, кто убил его сына?

— Конечно. Я не виноват в том, что с вами произошло, Бэрроу, но, тем не менее, вы можете послужить моим целям.

— Я не желаю быть ни козлом отпущения, ни жертвой на алтаре вашей мести.

— У вас нет выбора.

— А послужу ли я вашим целям, если Лека прикажет охотиться за настоящим убийцей своего сына?

— Нет, конечно.

— А, кстати, — медленно сказал я, — не вы ли сами являетесь убийцей?

Чисс пожал плечами.

— Нет, не я.

— Нет? А что вы тогда делали вчера в таверне, когда там был Марти? С какой целью вчера ночью вы крутились около моей конторы, когда там был убит Марти?

Чисс допил остаток вина.

— Я расскажу вам о последних трёх годах своей жизни, Бэрроу. Почти все дни я проводил, отслеживая Лека и тех, кто с ним связан, изучая деятельность его паршивого «синдиката». Я всё время надеялся, что Лека совершит какое-нибудь преступление, за которое его можно было бы посадить на электрический стул. Или попадётся кто-нибудь из его людей, который, спасая себя, дал бы показания против него. Или же события будут развиваться таким образом, что я смогу подтолкнуть Лека к каким-нибудь насильственным действиям, чтобы потом взять его с поличным.

— Например, убить его сына, — бесстрастно вставил я, — и повесить это дело на меня...

Чисс покачал головой.

— Оставим это. Вы хотите выслушать меня или нет?

— Хорошо, продолжайте.

— Так... несколько месяцев назад Марти поселился вместе со своей женой здесь, в Нью-Йорке. Я принялся следить и за ним, как и за всем окружением Лека.

— Если вы следили за Марти, значит, вы знаете прекрасно всю его жизнь за эти четыре месяца?

— Частично. Но одно могу сказать определённо: он не уделяет слишком много внимания своей жене. Похоже, у него есть другие женщины. Вот поэтому-то я и крутился в той таверне, причём не только вчера. Там у него обычно происходят встречи с подружками. Этот парень с женщинами ведёт себя как настоящий садист. Поскольку Лека принадлежит большая часть таверны, и тамошняя полиция у него в руках, Марти, как правило, всё сходило с рук. Вчера вечером я вас узнал сразу же, как только вы вошли. Я видел, как вы наблюдали за тем, что творилось за столиком, где сидели Марти, Грэди и эта рыжая девица. Наблюдали в зеркало, не так ли?

— Но откуда вы меня знаете?

— Видел вашу фотографию... У меня прекрасная профессиональная память на лица, на даты, на имена, преступления...

— Но почему вчера вечером вы приняли мою сторону? Чисс дёрнул плечом.

— Чтобы накалить атмосферу. Я хотел, чтобы у вас появилась возможность добраться до Марти,— он усмехнулся.— Представляю себе, как среагировал бы Лека, если бы ему сказали, кто способствовал вашей стычке.

— Почему вы не остались в таверне?

— После того, как я вмешался, мне оставаться там было неразумно. Марти, наверняка, бы позвонил отцу и попросил помощи. А мне не с руки пока встречаться с гангстерами Лека. Я отъехал немного и видел, как вы промчались в машине со своей девушкой. Мне хотелось поговорить с вами, чтобы узнать, чем кончилось дело. Поэтому я и поехал вслед за вами, но эти игры не для моего старого «форда». Короче, я вас упустил. Тогда в первой попавшейся мне по пути аптеке я нашёл ваш адрес в телефонной книге и поехал к вашему дому в Бруклине, намереваясь дождаться вас там. Затем, примерно, через час, поскольку вы не появлялись, я поехал в Манхэттен к вашей конторе.

— Я весь напрягся.

— Вы входили в дом? Поднимались к моей конторе?

— Нет. Я ожидал около входа, когда услышал пистолетный выстрел. Я на всякий случай отошёл от вашей конторы, но не настолько далеко, чтобы не видеть, что произошло впоследствии.

— Почему вы так сделали?

— Я не хотел ни во что вмешиваться, так как не знал правил игры.

— Вы видели, как Марти входил в здание?

— Нет.

— Вы знаете, кто убил Марти и каковы были мотивы убийства?

— Ещё нет.

Я поднялся с кровати и пристально посмотрел на него. Чисс выдержал мой взгляд. Трудно было поверить во всё то, что он рассказал. Он был способен на всё, лишь бы подвести Лека к электрическому стулу. И всё же экс-полицейский мог быть мне полезен.

— Вы знаете, как зовут ту девушку, которую Марти пытался изнасиловать вчера в таверне?

— Кора Шейл,— ответил Чисс.— Я прочёл об этом сегодня в газете.

— До этого вы о ней ничего не знали?

— Нет. Но её внешность мне почему-то кажется знакомой.

— В газете вы, очевидно, прочитали, что Марти пытался её шантажировать. Вы знаете, что было причиной шантажа?

— Нет.— Чисс снова налил себе в стакан вина.— А вы знаете?

Я оставил его вопрос без ответа.

— Вы не знаете мелкого преступника по имени Дюк Флемминг?

Чисс задумался на мгновение, потом отрицательно покачал головой.

Я, насколько мог подробно, описал внешность друга юности Кору. Чисс внимательно меня выслушал, опять подумал:

— Нет. Я познакомился за последнее время со многими пьяницами, но такого не встречал.

Он откинулся на спинку стула и смотрел на меня пристальным изучающим взглядом.

— В настоящий момент вы занимаетесь выяснением причин смерти Марти Лоуренса и хотите, чтобы в этом деле я оказал вам помощь, не так ли?

— Я уже говорил вам, что если станет известно имя настоящего убийцы, Лека займётся им... вместо меня.

— Конечно. Уж не думаете ли вы, что Марти убил я?

— Я допускаю такую возможность,— ответил я.

— Если это сделал я,— возразил он,— то, значит, веду двойную игру.

— Я должен допускать и это.

Чисс в ответ иронически улыбнулся, но я продолжал:

— Мне необходимо найти человека, у которого были бы мотивы для убийства Марти. Вы говорите, что не знаете такого. Возможно, это известно его бывшему телохранителю Грэди. Вы не можете сказать, где бы я смог его отыскать?

— Нет. Даже полиция не смогла его найти. Я знаю, где он живёт, но это также знает и полиция. Могу предположить только одно: он прячется, потому что боится Лека.

— Откуда вы это знаете?

— Держу глаза и уши открытыми. Ходят слухи, что Лека приказал убить и Грэди за то, что тот не смог обеспечить безопасность Марти.

— Тогда, наверное, эта красивая рыжая девушка, которая вчера вечером была с ними, знает, где его можно отыскать,— сказал я. — Вы, случайно, не знаете, кто это такая?

— Нет. Но кое-что о ней знаю. Возможно, это вам поможет.

— Говорите.

— Она — шлюха. Или, по крайней мере, была таковой совсем недавно.

— Откуда вам это известно?

— Однажды ночью я наблюдал за Марти в одном из баров Манхэттена. Она и Грэди были там же. Барменша вела с ней себя так, будто они давно знакомы. Поэтому, после их ухода, я подошёл к барменше и якобы ненароком спросил у неё, кто это такая. Та не знала ни её имени, ни адреса, но сказала, что последние два года часто её видала. Мужчины, которые её сопровождали, вся манера её поведения, свидетельствовали о том, что это шлюха довольно высокого разряда.

— Это уже кое-что,— заметил я.— Имеет смысл попробовать... Возможно, она приведёт меня к Грэди. А вы, между тем, поищите Дюка Флемминга.

Чисс скривился.

— Почему я должен это делать?

— Только лишь потому, что вы хотите поддерживать со мной контакт и быть в курсе всех этих событий...

— Хорошо, согласен с вами. Но почему вас так интересует этот Флемминг и какова его роль во всём этом деле?

✓ Я улыбнулся.

— Пока достаточно и того, что вы уже знаете.

Чисс встал.

— Ладно. Согласен. У меня есть друзья среди этой публики. Думаю, что мы сможем найти Дюка. Куда вам можно будет позвонить?

— В контору. Всю добытую информацию — телефонистке. Именно так мы будем обмениваться новостями.

Вместе с ним я вышел из барака. Устраиваясь в своём старом «форде», он сказал мне серьёзно:

— Что бы вы не предпринимали, действуйте осторожно. Старайтесь поменьше засвечиваться. Вас ищут по всему городу.

— Ну, чтобы тебя не обнаружили, надо побольше перемещаться, не правда ли?

— Конечно, но при этом больше вероятности быть убитым.

Я посмотрел на него.

— И чего это вы так заботитесь обо мне?

— Это вполне естественно. Если Лека убьёт вас, а меня не будет рядом, то как я смогу доказать, что это сделал именно он?

На этом мы и расстались: он отправился на поиски Дюка Флемминга, а я на поиски рыжей подружки Грэди.

10.

Она была очень светлой, очень красивой и очень обнажённой. Её звали Анжи, и она лежала на животе на столе для массажа в Институте красоты Массея. Её обнажённое тело, блестящее от крема, сверкало с головы до пят. Она была довольно высокой, возраст — около тридцати. Совершенной формы бёдра, раскинутые ноги были длинными, с полными ляжками, сильными икрами и тонкими лодыжками.

Дориан Массей, массажист, одетый в шорты и рубашку, занимался ногами Анжи. Когда, стоя в дверях сало-

на, я назвал своё имя, меня пригласили войти. Никто не сделал даже жеста, чтобы прикрыть наготу девушки.

— Я бы смог зайти чуть позже,— предложил я.

Анжи повернула свою светлую головку и посмотрела на меня голубыми кукольными глазками.

— Вы меня совсем не беспокоите. Может быть, вы меня смущаетесь?

— Нет, не смущаюсь.

— Тогда оставайтесь.

Массей продолжал работать и, не поднимая глаз, произнёс:

— Хотите спрятаться среди женщин? Что ж, вас осенила великолепная мысль... но без моей помощи. Я, конечно, помню, как вы мне однажды помогли, но если Фрэнк Лека узнает...

— Успокойтесь. У меня небольшой разговор с Анжи, и только...

И я посмотрел на женщину, распростёртую на столе.

— Еле отыскал вас. Вы опять вернулись к прежнему ремеслу?

Анжи ещё недавно была известной шлюхой Нью-Йорка, но в прошлом году решила завести свой небольшой бизнес: стала скупщицей краденого.

— Нет,— ответила она,— просто я стала полнеть. Слишком люблю шоколад. Когда-нибудь я решусь выйти замуж за какого-нибудь простака, и мне хочется, чтобы ему нравилось моё тело.

— Я разыскиваю одну девчонку с рыжими волосами,— сказал я.— Я ничего не знаю о ней, в том числе и имени, за исключением, пожалуй, того, что она была подружкой некоего Грэди, телохранителя Марти Лоуренса, сына Фрэнка Лека.

— Я не знаю такую девушку,— подумав, сказала Анжи.

— А вы, Дориан?— спросил я у массажиста.— Такого пошиба девицы ведь посещают ваш салон?

Дориан Массей, не прекращая работы, покачал головой.

— Сюда ходит несколько рыжих, но я не припоминаю, чтобы хоть одна из них упоминала о сыне Лека. Какие-нибудь приметы, кроме цвета волос, вы можете назвать?

Я снова обратился к Анжи.

— Думаю, что, может быть, её одежда вам что-нибудь подскажет. Скорее всего, она пользуется вашими услугами.

— У меня около дюжины клипсов с рыжими волосами,— подтвердила Анжи.— Мужчинам сейчас нравятся рыжие, так что многие девчонки перекрасились. Чго она носит?

Я описал зелёный комплект, который видел накануне в таверне:

— На ней был пояс из зелёного бархата с бронзовой пряжкой в виде дракона, зелёные туфли из крокодиловой кожи на высоком каблуке. В ушах большие серьги: золотой дракон, такой же как на поясе, но несколько меньшего размера, на руке кольцо с большим камнем... рубин или имитация под рубин...

Анжи немного подумала:

— Нет, это куплено не у меня, к сожалению. Но я ведь не одна, как вы знаете... она могла купить у кого-нибудь другого... или даже в магазине...

— Вам не приходилось слышать о людях, имеющих мотивы для сведения счётов с Лека или с его сыном?

Они не слышали — ни тот, ни другая,— или, по крайней мере, не хотели говорить, опасаясь быть замешанными в неприятную историю вместе со мной. За это их нельзя было осуждать.

Дориан велел Анжи перевернуться на спину:

— Теперь давай поработаем над фасадом.

Анжи перевернулась на спину. Здесь было на что посмотреть. Я направился к двери.

— Джек,— позвала меня Анжи.

Я обернулся. Приподняв голову, она посмотрела на меня.

— Мне было приятно встретиться с вами,— произнесла она с чувством.

Я вышел из Института красоты и прошёл пешком четыре квартала. Перед стеклянной витриной магазина готового платья, где была настоящая выставка разнообразной одежды, я невольно остановился. В витрине, как в зеркале, отражалась улица. Никто не остановился вслед за мной. Похоже, что слезки не было.

Я зашёл в кафе и заказал себе бифштекс с яйцом и кофе. Сидеть у всех на виду означало играть на своих нервах, но тем не менее, следовало бы что-нибудь поесть.

Пока меня обслуживали, вошли мужчина и женщина. Они не обратили на меня никакого внимания. Когда я уже почти закончил ужинать, вошёл хорошо одетый ма-

ленький мужчина с кислым лицом: он уселся за стойку и заказал себе кофе и торт.

Он взглянул в мою сторону в первый раз, когда официантка принесла ему заказ. В его взгляде не было ничего особенного, но когда он вонзил ложку в торт, то вдруг снова и более пристально взглянул на меня, при этом его лоб в задумчивости сморщился. Быстро отведя глаза, он начал есть. Официантка принесла счёт. Он заплатил, потом вдруг воскликнул:

— Вот рассеянный! Мне нужно срочно позвонить. Этот телефон в кабине работает?

— Конечно,— ответила официантка.

Он поднялся и, стараясь не глядеть в мою сторону, прошёл в кабину.

Я закончил бифштекс с яйцом, выпил кофе, не отводя глаз от телефонной кабины. Человек в кабине с кем-то разговаривал по телефону, изредка бросая в мою сторону взгляды.

Я оставил деньги на столике и вышел. Через квартал от кафе оказался вход в метро. Я спустился и вышел на перрон. Едва показался поезд, на перроне появился тот самый человечек с кислым лицом, с которым мы расстались несколько минут назад в кафе. Он неуклюже старался держаться незаметным и показывал, что его интересует всё вокруг... за исключением меня.

Он не был похож на убийцу. Скорее всего, это был мелкий жулик, который случайно наткнулся на меня.

Двери поезда открылись, и я вошёл. Моя тень вошла за мною следом, но через другую дверь и остановилась около двери, вцепившись в ручку. Едва поезд тронулся, я начал перебираться по вагону в направлении к своему преследователю. Тот, казалось, был занят самым тщательным изучением рекламы дезодоранта. Я остановился рядом с ним перед дверью, широко расставив ноги, чтобы сохранить равновесие при движении поезда. Человек не отрывал глаз от плаката, на котором были изображены девушка, баллон с дезодорантом и дюжина слов. Когда через четыре минуты поезд остановился на следующей станции, человечек всё ещё никак не мог осилить эти двенадцать слов.

Когда двери открылись, я не пошевелился. Он тоже. Люди входили и выходили из вагона. Я дождался того

момента, когда двери начали закрываться и выскочил на перрон.

Поезд скрылся в туннеле с моим преследователем. Следующий поезд должен был прийти минут через пять. Я вышел на улицу, сел в машину, доехал до Ленсингтон-авеню, а затем пешком вернулсу на Парк-авеню. Там я встретился с одним портье шикарного отеля.

Тот зарабатывал в десять раз больше, чем ему платили владельцы отеля, занимаясь сводничеством. Но и он ничего не знал о моей рыжей.

Следующим местом, куда я нанёс деловой визит, был бар между Бродвеем и Восьмой авеню. Там я поговорил с джазовыми музыкантами, которые хорошо знали ночную жизнь Нью-Йорка. Описал им девушку, но они не смогли мне ничем помочь.

Было уже достаточно поздно и Институт красоты, работающий ночью рядом с Рокфеллер-сквер, должен был быть открытым. Это было место, куда в это позднее время заходили сделать себе причёску актрисы, манекенщицы и проститутки. Замысловатая причёска рыжей не могла быть сделана дома и, к тому же её нужно было регулярно поправлять.

Это была проверка ещё одной версии, но на этот раз мне повезло.

Салон только открылся. Зал ожидания был пуст.

Я застал только Джеймса, владельца Института и одновременно его управляющего, который, развалившись в кресле, изучал программу завтрашних бегов. Джеймс, молодой, стройный брюнет, имевший немного женственный вид, в разговоре слегка шепелявил. Из-за его внешности многие клиентки расслаблялись с ним больше, чем обычно позволяли себе в общении с нормальными мужчинами. Некоторые из наиболее хорошеньких клиенток, слишком расслабившись, просыпались на следующее утро рядом с ним, усвоив раз и навсегда, как обманчива может быть внешность.

Джеймс, увидев меня, сразу же занервничал. Похоже, что в городе не осталось ни одного человека, который не знал бы о положении, в котором я очутился. Он выронил программу из рук и, побледнев, вскочил на ноги. Он смотрел за мою спину на входную дверь, как будто ожидал там увидеть, по меньшей мере, троих вооружённых авто-

матами людей. В сущности, это вполне могло стать реальностью.

— Ради бога,— взмолился он,— что вам угодно?

— Я разыскиваю одну девицу, которая, возможно, делает здесь причёску.

— Скажите, кто это, и я вам расскажу всё, что я о ней знаю, но после этого вы сразу же уйдёте. Сразу же! Ну?

— Я не знаю, как её зовут. У неё рыжие волосы и пышная причёска. Очень элегантная. Обильный грим у глаз...

Джеймс меня внимательно слушал, не сводя глаз с входа. Как только я заговорил о серёжках в виде дракона, он утвердительно кивнул головой.

— Шерри Вейн,— сразу же определил он.— Натуральные рыжие волосы. Была здесь последний раз три дня назад.

Наконец-то, появился какой-то просвет!

— Где её можно найти?

— Откуда я знаю? Эти девушки приходят и уходят...— он немного подумал.— Хотя... минуточку. Однажды, довольно давно, она говорила мне, что бросила заниматься проституцией, потому что познакомилась с одним человеком, который без ума от неё. Или что-то в этом роде... Эти женщины часто болтают, а я просто делаю вид, что слушаю. Ещё она говорила мне, что переехала в Нью-Джерси...

— В Нью-Джерси?! Куда?

— Она этого не говорила... А теперь, пожалуйста, исчезните, Джек.

Я искренне поблагодарил его и направился в Вест-Сайд. Там на автовокзале я поискал телефонный справочник, чтобы узнать номер её телефона. По телефону Шерри Вейн никто не ответил.

Затем я вышел из автовокзала, обошёл вокруг квартала, чтобы убедиться в отсутствии «хвоста», сел в свой «бьюик», стоявший на Девятой авеню и поехал домой к Шерри Вейн.

Дом оказался стоящим милях в пяти от таверны, в том же самом районе, где был и дом Фрэнка Лека. В доме было темно. Я оставил машину за два квартала от дома Шерри и пошёл к нему, прихватив с собой фонарик.

Помня о ловушке, в которую угодил в таверне, я про-

вёл тщательную рекогносцировку. Если люди Лека ищут не только меня, но и Грэди, то это наиболее вероятное место, где его следует ожидать. Я рассчитывал на то, что они уже здесь побывали, и, если не остались поджидать Грэди, то не очень скоро появятся вновь. Мне стоило рискнуть.

Лишь убедившись, что снаружи никого нет, я направился к чёрному входу, который, как правило, легче взломать. Но в этом не было нужды: дверь оказалась не запертой на ключ. В затылке у меня похолодело, но я, тем не менее, вошёл в дом.

Быстро закрыв за собой дверь, я сделал несколько шагов. Потом прислонился к стене, не шевелясь, прислушался, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте.

Ничего подозрительного я не услышал, но меня не покидало ощущение, что я в доме не один. Я прождал не менее десяти минут, прежде чем сделать следующий шаг. Держа палец на спусковом крючке пистолета, я вошёл в кухню из задней прихожей. Следовало сразу осмотреть весь дом и убедиться, что в нём никого нет.

Итак, я оказался в большой кухне. Пройдя через неё, вошёл в столовую-гостиную. Пусто. Я осторожно осмотрел две спальни, ванную, каждый угол дома и все шкафы. Никого. Остался только подвал дома.

Я быстро спустился по ступенькам. Ничего подозрительного. Не шевелясь, затаив дыхание, я несколько мгновений выжидал. Внизу лестницы оказалось три двери. Я открывал их одну за другой и заглядывал внутрь: прачечная, бойлерная и гараж. Они были пусты. Я вернулся в прихожую подвала и зажёл фонарь. У стены стоял большой холодильник. Рядом с ним были разбросаны продукты, разные пакеты, бутылки... Все уже было растаявшее. Я подошёл к холодильнику. Регулятор температуры стоял на максимуме холода. Я открыл дверцу. Внутри него, крепко связанные друг с другом куском провода, находились Грэди и Шерри Вейн.

Они оба были мертвы, но умерли по-разному и не в одно время. У Шерри з затылке было пулевое отверстие, и кровь запеклась на её рыжих волосах. На теле Грэди не было видно смертельных ран, но вся одежда была порвана, кожа — в ссадинах, очевидно, приобретённых в попытках освободиться от металлических пут.

Похоже, что Грэди был связан со своей мёртвой другой и засунут в холодильник ещё живым, в сознании, и заморожен

11.

Я не ушёл, а убежал оттуда. Убежал, сломя голову. И начал приходить в себя только тогда, когда мой «бьюик» находился в двадцати милях от дома Шерри Вейн. Я мчался по автостраде со скоростью не меньше 120 миль в час.

Лека хотел найти Грэди и добился своего. В его одиозном списке остался теперь я один. Если ему удастся добраться до меня, то смерть Грэди по сравнению с моей будет прекрасной.

Я остановился около магазина Говарда Джонсона и позвонил лейтенанту Флинту. Чтобы он не смог узнать меня по голосу, я прикрыл микрофон платком. Коротко рассказав, где можно найти Грэди, я сразу же повесил трубку, не обращая внимания на его расспросы.

На сегодня было достаточно. Прошлой ночью мне удалось немного поспать в Центральном полицейском управлении. Хотелось поскорее найти какое-нибудь укромное местечко, где можно было бы надёжно спрятаться и спокойно поспать часов десять.

Однако, я решил позвонить ещё и к себе в контору. У телефонистки для меня оказалось только одно сообщение: от Кору. Она оставила номер телефона, по которому её можно найти. И я набрал этот номер. Кора сняла трубку почти сразу же, на втором звонке.

— Алло.

Голос казался напряжённым и немного хриловатым:

— Где ты, Джек? Я уже начинаю думать, что с тобой что-то произошло.

— У меня был чертовски трудный день,— прервал я её.— Где ты сейчас находишься?

Она назвала адрес. Я знал этот район. Там находились летние виллы богачей. Он протянулся узкой полоской вдоль пляжа на Лонг-Айленде.

— Чем ты сейчас занимаешься?

— Мне хотелось побыть одной после всего того, что произошло. Ты можешь приехать сюда, Джек? Я хочу поговорить с тобой, и мне кажется, что ты этого тоже хочешь..

— Мне надо найти какое-то место на ночь, где бы я смог хотя бы чуть-чуть передохнуть,— сказал я.— Я выдохся. Увидимся завтра.

— Ты можешь провести ночь здесь,— предложила Кора.— Здесь есть ещё спальни... Мне действительно нужна компания, Джек!

Я немного подумал.

— Не знаю даже, что и сказать. Я позвоню тебе через пару часов, договорились?

Я вернулся к машине, проехал Манхэттен и через туннель направился в сторону Лонг-Айленда. Я ей не сказал сразу, что принимаю её предложение не потому, что я не доверял ей — я не мог себе позволить такую роскошь, как доверять кому бы то ни было,— а просто из элементарной предосторожности: если кто-нибудь там, где сейчас Кора, и ожидает меня, то мне хотелось бы появиться несколько раньше, чем он будет готов к встрече.

Через час я добрался до этого района, заросшего деревьями и кустарниками, хорошо ухоженного, постоянно продуваемого ветрами с океана. Машину я поставил в стороне от дороги и оставшийся путь прошёл пешком. Дорога шла мимо закрытых на зиму вилл. Их владельцы появятся не ранее мая или июня, а сейчас район казался вымершим, пустынным. Слышался только шум прибоя да шелест листвы.

Я нашёл дом, названный Корой, по почтовому ящику, на котором было написано:

Эдвард СТРОНГАЛ

и пройдя, как ни в чём не бывало, мимо него, свернул в маленькую улочку, огибавшую весь этот квартал.

С пистолетом в руке я шёл по узенькой дорожке. Дом Стронгала оказался солидным одноэтажным шале с деревянными стенами. Ни из одного окна не пробивался на улицу свет. Я ещё раз внимательно огляделся, чтобы убедиться в отсутствии засады перед домом. Когда я подошёл поближе к дому, то понял, почему на улицу не выбивается свет: окна были закрыты плотными деревянными ставнями.

Стараясь держаться поближе к стенам, я обошёл дом вокруг. Со стороны океана сквозь щель в ставне пробивалась едва заметная полоска света. Некоторое время я стоял, прислушиваясь, потом подошёл вплотную к окну и постарался рассмотреть через эту щель, что делается внутри дома.

Я увидел большую гостиную в деревенском стиле, обставленную солидно и комфортабельно. Комната освещалась маленькой настенной лампой и отблесками огня из камина. На полу, между камином и большим диваном, было разбросано несколько подушек. Кора сидела на одной из них, подобрав под себя ноги и прислонившись спиной к дивану. В руках у неё был стакан. Она неотрывно смотрела на огонь. Никого в комнате больше не было. Я ещё раз обошёл вокруг дома. Перед гаражом стояла машина. Дверь гаража оказалась приоткрытой. Внутри была ещё одна дверь, которая, как я предполагал, должна вести в дом. Войдя в неё, я оказался в продовольственной кладовой, оттуда перешёл в кухню, и из кухни — в столовую. Выйдя из столовой, я оказался в прихожей, две двери из которой вели в спальни, а третья — в гостиную. В воздухе дома чувствовалась затхлость нежилого помещения. Когда я встал на пороге гостиной, Кора продолжала находиться всё в том же положении, в каком я видел её несколько минут назад.

Она была одета во всё чёрное. Облегающая чёрная рубашка с короткими рукавами, узкие чёрные брюки и туфли. Сильные черты её лица несколько смягчались отблесками огня из камина.

Я сунул пистолет в кобуру. Нервное напряжение последних суток отступило куда-то в сторону, и появилось чувство усталости. Обстановка этого дома действовала на меня расслабляюще.

Я тихо, стараясь не напугать, окликнул Кору. Должно быть, она уже прилично набралась виски, потому что слегка вздрогнула и, повернув голову, взглянула на меня своими чёрными глазами.

— Нервы и так на пределе, а здесь ты ещё играешь, — проговорила она ещё более хриплым голосом, чем я слышал по телефону. — Я всё жду твоего звонка...

— Я передумал, — и кивнув на бокал, зажатый в её руке, добавил, — не нальёшь ли и мне?

Кора улыбнулась

— Виски здесь больше, чем достаточно,— опершись рукой о диван, она встала и направилась к небольшому бару, искусно выполненному на сосновом пне. Она передвигалась с грацией пантеры, той самой грацией, которой я до сих пор у неё не замечал. Кора налила в большой стакан виски, оставив совсем немного места для льда.

— Выпей,— сказала она, протягивая его мне.— Я уже выпила достаточно.

— Пьяна?

— Нет, но здорово набравшаяся. Приятно.

— Именно до такого состояния и я хочу набраться,— залпом я осушил стакан.

Огненная жидкость разлилась по всему телу. Потихоньку начала улетучиваться усталость. Убрать бы ещё из памяти всё то, что я увидел в доме Шерри Вейн, было бы совсем прекрасно. Но Грэди со своей подружкой, засунутые в холодильник, продолжали стоять у меня перед глазами.

Я плеснул себе в стакан ещё виски и выпил. Нервы немного успокоились, но ужасная картина не исчезла. Я посмотрел на Кору. Взгляд медленно прошёлся по её великолепному лицу, затем снова вернулся к завораживающим глазам. Картина с двумя трупами начала рассеиваться.

Мы поставили бутылку между собой на пол и уселись на подушки перед камином, опершись спинами на диван. Глядя на огонь, мы потихоньку пили. Жуткая картина, неотступно преследовавшая меня, окончательно исчезла. Огонь в камине, приглушенный свет, вся обстановка гостиной, присутствие Кору и виски — всё это действовало успокаивающе, я снял пиджак, сложил его и бросил на диван, развязал и чуть опустил узел галстука, расстегнул ворот рубашки. Кора положила мне голову на плечо и принялась что-то потихоньку напевать.

— Ты мне сказала по телефону, что хочешь поговорить со мной,— напомнил я ей.

Мне-то самому сейчас не очень хотелось разговаривать, и я прекрасно понимал, что чуть позднее это желание станет ещё меньше.

Кора на секунду замолкла.

— Потом. Сейчас я не в настроении

— А если бы ты была в настроении, то что бы ты хотела узнать?

— Я хотела бы узнать, выяснила ли полиция, кто убил Марти,— спросила она.

— Нет, не выяснила. Есть ещё вопросы?

— К дьяволу всё это!— прошептала она.— Сейчас мне хочется забыть обо всём. Хотя бы ненадолго.

— Ты сказала мне неправду.

Она подняла глаза:

— Сказала неправду? Какую?

— Относительно Эдварда Стронгала. Это его вилла. Ты мне говорила, что он больше для тебя отец, нежели хозяин. «Отец» — не совсем верное слово для ваших отношений, не правда ли?

И я пристально посмотрел в её тёмные глаза, потом повернул голову и уставился на огонь в камине.

— Нет, это совсем не точное слово,— произнесла она безразличным тоном. И после паузы добавила:— Это всё очень непросто, Джек. Я... я была любовницей Эдварда. Недолго. Мы встречались здесь и в городе, в моей квартире пару лет назад.

Она глубоко вздохнула и продолжала:

— Он вдовец. Его жена умерла восемь лет назад. Я была очень одинока,— она допила свой стакан и снова взялась за бутылку,— он влюбился в меня, а я... я привязалась к нему. Всё это продолжалось меньше года. Эдвард предлагал мне стать его женой, но я поняла, что с моей стороны это не любовь, а просто благодарность. На этом всё и оборвалось.

— Ты хочешь сказать, что бросила его? И как он это воспринял?

Кора поставила бутылку на пол.

— Он был явно огорчён, но я настояла на своём. Это не отразилось на наших деловых отношениях... и нашей дружбе.

Кора поколебалась немного, потом добавила:

— Утром, после посещения полиции, я позвонила Стронгалу и рассказала обо всём, что произошло. Я подумала, что скорее всего в газетах появятся неприятные публикации с упоминанием моего имени в связи со смертью Марти и поэтому хотела на некоторое время отойти от дел. Эдвард согласился со мной.

— Почему же он мне не сказал, что ты находишься здесь?

— Думаю, что он боялся. Он очень беспокоился, когда узнал, что Марти Лоуренс — это сын Фрэнка Лека. Он, по-моему, испугался того, что Лека может обвинить меня в смерти своего сына. Поэтому-то и предложил мне приехать сюда, где меня никто не может найти. Я тоже попросила его никому не говорить о том, где я нахожусь. Но я имела в виду газетчиков.

— Никто больше не знает, что ты здесь? Только я и Стронгал?

— Только вы двое. Эдвард боится, что Фрэнк Лека может узнать об этом.

— Он что, знает Лека?

— Лично они вряд ли знакомы, но, конечно же, он слышал о нём. Лека замешан в каком-то рэжете в индустрии готового платья. Все знают, что этого человека следует опасаться. Я тоже. Я прошла перед ним и Виктором Рюнконом, когда уходила из полицейского управления, и они посмотрели на меня так, что мне хотелось бежать сломя голову...

— Ты раньше встречалась с Лека?

— Нет, но несколько раз видела Рюнкона на приёмах в нашей индустрии.

— Что он делал?

Кора неопределённо пожала плечами.

— Кто его знает... Многие гангстеры связаны с фирмами по производству готового платья на Седьмой авеню. Хотя наша индустрия призвана служить красоте, сама она украшена многими канальями.

Я допил виски. У меня были ещё вопросы, но мозг уже отказывался работать. Мы снова замолчали, глядя на огонь и потягивая виски.

Кора прислонилась ко мне и положила голову на плечо.

— Должна признаться, — сказала она через некоторое время, — что сейчас я совсем не чувствую страха.

Я улыбнулся.

— Виски — великий утешитель.

— Замечательный! Мы здесь одни в тёплом уютном мире, будущее прекрасно, ничего не должно случиться, — она вздохнула, вытянула руку со стаканом и посмотрела сквозь него на огонь. — Ты прав — я талантлива. Гадкая публикация не повредит моей карьере.

— Я в этом уверен, потому что видел вчера в вашем салоне прекрасные изделия, которые ты можешь создавать.

— Ты не шутишь?

— Нет, не шучу.

— Мне они тоже нравятся,— прошептала Кора, обвила мою шею руками и нежно поцеловала в губы.

По моему телу пробежала дрожь. Когда она оторвалась от меня, то прошептала:

— Я хочу остаться для тебя просто другом, понимаешь? Если ты согласен, то не отвечай.

— Я не буду отвечать.

Она поставила свой стакан и снова поцеловала меня, но на этот раз уже не нежно.

Несколько секунд спустя она, рывком высвободившись из объятий, заглянула в мои глаза.

— Я становлюсь бесстыдной, когда выпью,— прошептала Кора.

Я улыбнулся:

— Знаю.

— Нет, ты этого ещё не знаешь, но сейчас увидишь...

12.

Рано утром мы позавтракали вместе с Корой в доме Стронгала. Никаких сентиментальных последствий проведенной вместе ночи не было. Мы снова вернулись к прежнему статусу наших взаимоотношений — статусу друзей детства из одного квартала.

Я возвращался в Нью-Йорк. Указатель уровня бензина был почти на самом нуле, поэтому я остановился у первой же бензозаправочной станции и наполнил бак.

Дорога по утреннему времени была сильно загружена, и я решил вернуться в Нью-Йорк по новой автостраде, ведущей в Манхэттен из Лонг-Айленда. Но я толком не знал, как на неё попасть, поэтому расспросил хозяина бензоколонки.

Первый раз пригородное такси я заметил в соседнем ряду на окраине Плейвью. Такси, которое обслуживает Лонг-Айленд, не часто пользуется новой автострадой. Потом я потерял эту машину из виду и решил, что водитель просто решил воспользоваться новой дорогой в силу необходимости, и уже, может быть, свернул куда-нибудь в сторону.

Снова я заметил это такси при въезде в тоннель. Когда я остановился, чтобы оплатить проезд, машина оста-

новилась у соседнего поста. Я не ошибался: это было то же самое такси. И это значило только одно. Тем более, что в такси не было пассажиров, только водитель. А пригородные такси вряд ли ездят в Манхэттен за пассажирами.

По всей видимости, на меня навёл хозяин бензоколонки. Он узнал меня по фотографии и позвонил куда следует по телефону. Остальное очень просто, если знаешь направление и номер автомобиля. Поскольку все такси снабжены радиотелефонами, водитель должен только следить за мной и сообщать кому-то мои координаты. Если я теперь сверну в Бруклин, бандиты будут ждать меня там. Если я поверну в противоположную сторону, результат будет тот же.

При выезде из тоннеля, яркие солнечные лучи почти ослепили меня.

Как они собираются действовать? Вокруг меня множество свидетелей. Улица забита автомашинами, тротуары заполнены пешеходами, спешащими на работу.

Я свернул на 38-ю улицу. Из вереницы машин внезапно вырвался «кадиллак» и оказался рядом с моим «бьюиком». В машине находился только один водитель — хорошо одетый человек, руки которого лежали на руле, поэтому я не обратил на него особого внимания.

А это следовало бы сделать. Едва я свернул на Третью авеню, «кадиллак» резким рывком обогнал меня и загородил дорогу. Я резко нажал на тормоза. Мой «бьюик» ударил в заднее крыло «кадиллака» не очень сильно, но я оказался заблокированным. Человек за рулём «кадиллака» высунулся в окно.

— Простите! — прокричал я.

— Я сам виноват и...

Если бы я не знал, что за мной следят, я остался бы на месте, и это был бы мой конец. Но я был готов к разного рода неожиданностям. Едва успев произнести эти три слова, я распахнул дверцу своего «бьюика» и выскочил из машины. Быстро реакция спасла меня. Послышался звук, похожий на удар хлыста, и в спинке сиденья, на котором я только что находился, оказалось отверстие с тёмными оплавленными краями.

Это могла быть только пуля, выпущенная из пистолета, снабженного глушителем. Я не заметил, откуда стреляли, да и не хотел этого замечать. Через три секунды после выстрела я был уже далеко.

В три прыжка я достиг тротуара, заполненного пешеходами, и смешался с толпой. Я не оглядывался, но чувствовал за своей спиной преследователей. У перекрёстка все остановилось, как только зажёгся красный свет.

У меня в запасе было буквально несколько секунд, и я воспользовался ими, чтобы увеличить расстояние между собой и своими преследователями.

Я даже не представлял, как они меня преследуют: на автомобиле, городском транспорте или пешком. Единственное, что мне оставалось, — это не подставляться им.

Простота их плана была замечательной. Если бы им удалось меня убить, тип из «кадиллака» тотчас же исчез бы. Если бы я оказался ранен, он бы перетащил меня в свою машину, объяснив многочисленным свидетелям, что я пострадал в автомобильной катастрофе, нагкнувшись на его машину, и он взял на себя труд отвезти меня в ближайший госпиталь. А госпиталем оказался бы какой-нибудь подвал, и ожидал бы меня там хирург — Фрэнк Лека.

Я свернул на автостоянку, прошёл через неё на соседнюю улицу, через квартал забежал в попавшуюся на моём пути гостиницу, вышел из неё через боковой вход, пробежал ещё один квартал, пересёк 42-ю авеню и оказался в лабиринте Центрального вокзала. Передо мной была, по крайней мере, дюжина дорог: подземка, входы в магазины или офисы, а через зал ожидания — выходы на перроны и к лифтам.

Я на миг остановился, выбирая себе дальнейший путь. Выбрал лифт, сел в него, вышел на пятом этаже, прошёл через множество дверей по бесчисленному количеству коридоров, направляясь к дальнему крылу здания, находившемуся, примерно, в трёх кварталах от входа на вокзал. Большинство помещений, выходящих в коридор, по которому я шёл, были либо закрыты, либо пусты, так как большая часть вокзала была приготовлена к сносу. На этом месте намеревались построить ещё один небоскрёб.

Я поблагодарил небо за то, что работы по сносу ещё не начались. Лифт в дальнем крыле здания ещё работал. Я воспользовался им, вышел на улицу, сел в одно из двух свободных такси и попросил отвезти меня к зданию ООН. На полпути я вдруг сказал водителю, что передумал и назвал новый адрес: «Альберто-Пьер». Когда машина разворачивалась, я внимательно наблюдал за следовавшими за нами машинами: никто не повернул вслед.

Я вошёл в гостиницу, вышел через боковой вход, пешком прошёл три кваргала и зашёл в попавшийся мне на пути маленький магазинчик.

Из телефонной кабины я внимательно понаблюдал за входом, потом позвонил телефонистке в свою контору. Для меня оказалось два сообщения: одно от Чисса, который желал меня видеть, другое от Сандры. Ничего нового у неё не было. Просто она хотела убедиться, что я ещё жив.

От Сандры я также узнал о последствиях моего телефонного звонка лейтенанту Флинту прошлым вечером. Он сразу же помчался в Нью-Джерси, вошёл в контакт с местной полицией и убедил их отправиться в дом Шерри Вейн: они не хотели туда ехать и отговаривались тем, что это просто розыгрыш. Похоже на то, что если бы я не позвонил, трупы были бы обнаружены много позднее.

Они нашли два трупа, но на этом всё и кончилось. Флинту приказали вернуться домой и оставить расследование двойного убийства местной полицией. Фрэнк Лека крепко держал в своих руках и мэра, и прокурора, и полицию...

Я снова взял такси и попросил отвезти меня в Бруклин. Джордж был у себя в бараке. Его поделка была почти готова. Чисс занимался изготовлением мелких внутренних деталей. Он уже сделал отверстия для бокалов и бутылок, когда я появился. Неизменная бутылка вина и полупустой стакан, как обычно, находились недалеко от него.

— Я почти закончил,— приветствовал он меня,— Осталось отполировать и покрыть лаком, потом можно идти продавать.

— И вы уверены, что это кто-нибудь купит?

— Конечно! Чем экстравагантнее вещь, тем больше за неё можно получить,— он опустошил свой стакан и провёл тыльной стороной ладони по губам.

— Я нашёл вашего Дюка Флемминга. Мне пришлось опросить кучу народа, прежде чем я наткнулся на одного, который вспомнил его имя.

— Отлично! — воскликнул я. — Где же он?

— В морге.

В глазах у меня потемнело.

— Как и когда это произошло?

— Попал под грузовик. Четыре дня тому назад.

— Кто вёл грузовик? — спросил я, заранее зная ответ.

— Никто не знает. Он не остановился. Думаю, что это был преднамеренный паезд.

Чисс посмотрел мне за спину, на портрет Фрэнка Лека в позолоченной раме.

Я пытался подавить разочарование. Я всё-таки надеялся добраться до старого дружка Кору и кое-что выяснить у него. Однако и его смерть всё-таки дала ответ на один вопрос: теперь не было сомнений, что именно он рассказал о прошлом Кору либо самому Марти, либо кому-нибудь из его прихлебателей. И убили его именно для того, чтобы он не смог рассказать, кому он доверился.

Оставаюсь ещё много нерешённых вопросов. Кое-какие из них я попытался выяснить у Чисса.

— Вы долго наблюдали за окружением Лека и Марти. У кого могут быть мотивы для убийства Марти?

Чисс отвёл глаза от портрета Фрэнка Лека.

— Если бы я это знал точно, то я бы не сидел здесь в ожидании, а воспользовался этими сведениями, чтобы отправить Лека в небытие.

— Может быть, здесь какой-нибудь личный или деловой мотив? — Я всё ещё пытался разговорить Чисса. — У кого были деловые отношения с Марти?

— Мне не удалось обнаружить никаких деловых контактов Марти. По-моему, он и не занимался делами, а только развлекался.

— Тогда, может быть, здесь замешана одна из жертв его развлечений? Например, жених, муж или отец какой-нибудь девочки?

— Наверняка может существовать какой-нибудь сумасшедший, который решился поразить Фрэнка Лека в самое больное место и повесил всё это вам на шею...

— С кем лично встречался Марти?

Чисс мгновенно ответил:

— С отцом, Грэди и женой...

— Жена... — медленно повторил я, — похоже на то, что она узнала о шалостях своего мужа...

— Вполне возможно представить себе жену, желающую смерти своему мужу, но мне кажется, что здесь не то...

— Почему?

— Мне говорили, что у неё есть дружок.

Я почувствовал, как внутри у меня что-то оборвалось.

— Кто он?

— Не знаю.

— А могли бы узнать?

— Это, конечно, возможно, — потом, подумав немного, добавил, — могу вам ответить наверняка, что смогу это сделать.

Я решил подойти к делу с другой стороны.

— Жена Фрэнка Лека умерла пять лет назад. Не утешает ли его кто-нибудь сейчас?

— Ну, такие утешительницы были у него и при жизни жены, и в этом он несколько не изменился. Однако, Лека из тех, кто имеет дело только с одной женщиной. Его последняя любовница не имеет никаких соперниц.

— Вы случайно не знаете, как её звать?

— Эстелла Росса. Прекрасная девушка.

— У неё не было мотивов для убийств Марти? — предположил я.

— Например?

— Не знаю. Может быть, вам они известны. Думаю, что мне имеет смысл как-то познакомиться с ней. А также и с вдовой Марти.

— А почему бы и нет! — воскликнул Чисс. — Можете пойти вместе со мной. Там будут все, — он посмотрел на часы, потом, поднявшись, надел пиджак. — Нужно поспешить, а то мы можем опоздать.

Я смотрел на него, удивлённо подняв брови.

— Куда опоздать?

Чисс опять взглянул на портрет Лека, но на этот раз с улыбкой:

— На похороны Марги.

13.

— Этот спектакль я не хочу пропустить, даже если мне придётся пожертвовать всем моим вином будущего года, — говорил мне Чисс. — Я хочу увидеть Лека плачущим.

— Мне кажется, что вы больше хотите, чтобы нас прикончили вместе.

— Нет, это совсем не опасно. Там будет тьма полицейских. Причём, не только местных, но и из федеральной полиции, а эти не заодно с Лека. Так что нас там даже не тронут пальцем.

И он направился к двери.

— Пошли, если хотите увидеть жену Марти и любовницу старого Лека.

Я молча последовал за ним.

Мы воспользовались его старым «фордом», на котором добрались до небольшой церкви недалеко от дома Лека, где должна была состояться траурная церемония.

Как и предсказывал Чисс, там оказалось множество полицейских. Полицейский кордон пропускал только чёрные «кадиллаки», в которых присажали родные и близкие покойного, коллеги Фрэнка Лека.

Чисс нашёл стоянку в четырёх кварталах от церкви.

— Лучше оставить оружие здесь, — сказал он мне, прежде чем мы вышли из автомобиля. — Федеральные полицейские — наша лучшая защита. Если у нас будет оружие, то местная полиция может использовать это как повод для задержания.

Хотя федеральная полиция, как и полиция любого штата, не внушала мне особого доверия, и я чувствовал себя без оружия словно голый, всё-таки Чисс был прав. Я неохотно вытянул «магнум» и 32-й и спрятал их под сиденье.

— Нам, наверное, лучше разделить, — предложил я, как только мы выбрались из машины. — Если кто-нибудь из прихвостней Лека увидит нас вместе, вы моментально попадёте в их «чёрный» список.

Чисс в ответ только улыбнулся.

— Эта компания мне и так не симпатизирует.

— Тем не менее, наше появление вместе только усилит неприязнь.

— Меня нелегко убить. Оставим этот разговор.

Человек пятнадцать полицейских — местных и федеральных — прохаживались по улице. Были и зрители, но немного. Большая часть людей проявляла естественное стремление держаться от гангстеров подальше.

Здесь было несколько журналистов, но совершенно не было видно фоторепортёров. Это означало одно: полиция запретила им здесь показываться по приказу Лека.

Все полицейские, которые попадались навстречу, внимательно нас осматривали. Для них это было обычной рутинной работой, но некоторые из местных полицейских занимались этим делом уж больно прилежно. Наверняка, они видели мою фотографию, пущенную в оборот Рюнконом.

Мы остановились недалеко от входа в церковь. Двое полицейских стояли на посту: один у тротуара, встречая подъезжающие машины, другой — у самого входа в церковь. Увидев нас и пристально рассмотрев меня, он быстро вошёл в церковь и вскоре вышел вместе с Виктором Рюнконом.

Они оба направились к нам. У Рюнкона был усталый вид. Он нервно покусывал мундштук и гневно смотрел на нас.

— Вы в плохой компании, Чисс... — начал он, — послушайте мой совет...

— Вы мне один раз уже давали совет, — прервал его Чисс, — но я, как вы знаете, не последовал ему.

— И напрасно. Тот совет был неплохой. Вам следовало, как вы смогли убедиться, прислушаться к нему.

Чисс криво усмехнулся. Костлявое тело Рюнкона напряглось.

— Тем хуже для вас, Чисс. Я думаю, что следующий урок пойдёт вам на пользу. А то, что вы вместе с Бэрроу, заставляет нас...

— Я восхищаюсь Бэрроу, — сказал Чисс. — Человек, который оказался достаточно мужественным, чтобы ликвидировать сына Лека, заслуживает только восхищения.

Вот это мне и не нравилось в Чиссе: ему не терпелось увидеть меня убитым Фрэнком Лека.

— Вы знаете, что произошло с Грэди? — с невинным видом спросил Рюнкон у меня.

— Да. Его вместе с девушкой нашли именно там, куда его сунули ваши люди.

Рюнкон поднял брови.

— Не думаете ли вы случайно, что и я замешан в эту историю? — голос у него был масляный. — Тогда вам необходимо уведомить полицию.

— Она об этом знает.

Он улыбнулся.

— ...и абсолютно уверена, что я ни в чём не замешан, — он выдержал паузу и продолжил со значением: — Как всегда, я не буду замешан ни в чём противозаконном, даже если с вами что-нибудь случится...

— Со мной ничего не случится. До сих пор, несмотря на помощь всех преступников штата, вам не удалось прихватить меня. Лека, наверное, уже устал выслушивать ваши оправдания.

Рюнкон вытащил изо рта пустой мундштук и улыб-

нулся. Похоже, что ему в голову пришла какая-то мысль. Он взглянул на местного полицейского, стоящего рядом:

— Арестуйте этих двоих! Они вооружены.

Я быстро подозревал федерального полицейского, стоявшего невдалеке:

— Агент, мне необходима ваша защита!

Полицейский, моргая, уставился на меня:

— Что здесь происходит?

Я указал на полицейского штата:

— Он намеревается нас арестовать, но мы ничего противозаконного не совершили.

По взглядам, которыми обменялись полицейские, можно было понять, что они не испытывают друг к другу горючей любви.

Местный полицейский насупился:

— У них есть оружие.

— Неправда, — сказал Чисс.

Рюнкон ткнул в мою сторону мундштуком:

— У этого есть. Я уверен.

Федеральный полицейский обыскал меня, затем Чисса.

Закончив осмотр, он внимательно посмотрел на другого полицейского, потом на Рюнкона:

— У них ничего нет: ни пистолетов, ни ножей.

Рюнкон покраснел:

— Я не хочу, чтобы они здесь крутились. Здесь им не место. Они не являются друзьями ни покойного, ни его родственников.

— Мы — обычные пешеходы, — сказал я. — Мы никому не мешаем.

Федеральный полицейский обратился к Рюнку.

— Как утверждает этот человек, он является простым пешеходом и, поскольку не провоцирует никаких инцидентов, может оставаться здесь. Его приятель — тоже.

Рюнкон круто повернулся и, не произнеся ни слова, возвратился обратно в церковь. Федеральный полицейский проводил его насмешливым взглядом. Посрамлённый полицейский из местной полиции тоже отошёл в сторону.

«Кадиллаки» стали прибывать. Все они, как правило, были чёрною цвета и последних моделей. За рулём каждого, насколько мне было известно, сидел гангстер. Рядом с ним — его коллега. В этих машинах приезжали сливки преступного мира, чтобы отдать последнюю дань сыну Фрэнка Лека. Господствовал чёрный цвет: чёрные

автомобили, чёрные костюмы и платья, чёрный креп... Часто из машин выходили женщины: дочери, жёны и любовницы главарей преступного «синдиката». Некоторые, бросив на меня взгляд, менялись в лице. Меня узнавали. Но Чисс оказался прав: они могли испепелять меня только взглядом, не больше. Слишком много было вокруг федеральных ребят.

Фрэнк Лека прибыл одним из последних. Как и прочие, он тоже вылез из чёрного «кадиллака». У него был мрачный вид и красные воспалённые глаза, но это ничуть не отразилось на его представительности. Лека сопровождала девушка лет двенадцати: чуть выше его ростом и очень красивая. На ней был чёрный, прекрасного покроя костюм, подчёркивающий стройную фигуру.

Чисс ткнул меня локтем:

— Джейн, вдова Марти.

Хотя девушка шла под руку с Лека, и вид у нее был серьёзный, мне показалось, что её мысли были далеки от похорон.

Заметив меня, Лека остановился. Он не смотрел на Чисса, только на меня. Думаю, что для него в этот момент больше никого в мире не существовало. Губы у него сжались, а в глазах загорелся гнев. Джейн, вдова Марти, тоже взглянула на меня, но поскольку она не знала, кто я, на её лице не было написано ничего, кроме любопытства.

Лека недолго смотрел на меня. По крайней мере, мне так показалось. Он не сказал ничего, ни одного слова. С явным усилием он оторвал от меня взгляд и направился в церковь.

Я с шумом выдохнул воздух.

— На меня многие смотрели с ненавистью, — сказал я Чиссу, — но чтобы так — никогда!

— На меня он также будет смотреть, когда его усадят на горячий стул, — процедил Чисс сквозь зубы.

Мы продолжали наблюдение за подъезжающими «кадиллаками».

— Что вы думаете о молодой вдове? — спросил он меня, спустя несколько мгновений.

— Она сделала всё, чтобы казаться грустной... но не очень в этом преуспела.

Чисс улыбнулся:

— Для чего же ей казаться опечаленной?

Приехавших оказываются столько, что они, наверное, битком заполнили помещение. Если бы бросить сейчас внутрь этой церкви хорошую бомбу, то можно было бы одним махом уничтожить верхушку преступного мира Нью-Йорка и нескольких соседних штатов. После того, как стало ясно, что собрались все, я повернулся к Чиссу.

— А любовница Лека?

Он пожал плечами.

— Её не было видно. Похоже, посчитали, что её присутствие неудобно. Понимаешь, у всех этих их «жён» своеобразное чувство приличия.

— Можно воспользоваться этим и пойти поболтать с ней.

— Это мысль. Она живёт в Манхэттене.

И он рассказал мне, как её найти, добавив в заключение:

— Я с вами не поеду. Не хочу пропустить самого погребения. Я еще никогда не видел Лека плачущим.

— Посмотрите-посмотрите и, когда закончите развлекаться, постарайтесь узнать, кто друг сердца вдовы. Если преуспеете, то оставьте послание моей телефонистке.

Чисс кивнул.

— Не забудьте свои пистолеты.

— Я возьму только один, 32-й оставлю вам. Судя по поведению Рюнкона, он может вам понадобиться.

Я вернулся к старому «форду» и, убедившись, что за мной никто не следит, вновь вернул «магnum» на его место — в кобуру под пиджаком. Потом мне удалось остановить такси и за десять долларов приехать в Нью-Йорк.

Любовницы Лека — Эстеллы Росс — не было дома. Всю середину дня я провёл в соседнем кинотеатре, позванивая каждый час ей по телефону. Когда, наконец, на другом конце провода подняли трубку, я, ничего не ответив, повесил свою и вышел из кинотеатра.

Она жила на пятом этаже шикарного здания на 60-й авеню. Я нажал на кнопку звонка и поправил галстук, чтобы легче было при необходимости добраться до пистолета, если она окажется не одна.

Спустя несколько мгновений женский голос проворковал из-за закрытой двери:

— Кто там?

Даже через дверь голос казался суперсексуальным.

— Меня прислали Фрэнк Лека. До вечера.

Послышался скрип в замочной скважине, и дверь открылась.

Два живых зелёных глаза быстро осмотрели меня. Эстелла оказалась невысокой девушкой — 60-65 дюймов, с гибким подвижным телом в прозрачном халатике, сквозь который были видны чёрный бюстгальтер и чёрные трусики. Добавьте ко всему этому маленькую высокую грудь, красивой формы бедра и ноги, хитрый рот и массу светлых волос — это и будет Эстелла Росс.

Я продолжал играть свою роль:

— Можно войти? Мистер Лека хотел, чтобы...

— Фрэнк не присылал вас, — спокойно сказала она тёплым глубоким голосом. — Вы — Джек Барроу. Я видела вашу фотографию.

Не чувствовалось никакой неприязни, только любопытство.

— Итак, что вы хотите?

— Поговорить о том, что произошло с Марти, — я готов был поставить ногу между дверью и порогом, чтобы она не смогла захлопнуть её, но девушка и не пыталась этого сделать. Мгновение она смотрела на меня своими зелёными глазами, потом сказала.

— Хорошо, входите.

Я вошёл, не делая никаких попыток скрыть то, что моя рука засунута за отворот пиджака. Гостиная поразила меня. Сплошной антиквариат викторианской эпохи.

Я осмотрел и другие комнаты: солнечную спальню с громадной кроватью под балдахином, ванную комнату в розово-мраморной плитке.

Эстелла ходила за мной.

— В доме, кроме нас, никого нет, поэтому оставьте свой пистолет в покое. У меня пока нет мотивов помогать кому бы то ни было убить вас.

— А как же лояльность по отношению к Лека?

— А я должна быть по отношению к нему лояльна?

Зелёные глаза, смотревшие на меня, были круглые и невинные, как у девочки.

— Почему? Он мне больше не нужен, только мешает, — она уселась на маленький пуф перед туалетным столиком и принялась подводить глаза, глядя в зеркало. — Вы можете говорить, пока я привожу себя в порядок. Мне нужно спешить на урок пения. Мой учитель не любит, когда я опаздываю

— Вы певица?

— Нет. Просто умею немного петь и танцевать. Я стану кинозвездой, — она сказала это, как само собой разумеющееся.

— И на что вы намекали, говоря, что Фрэнк Лека вам мешает? Не хочет, чтобы вы стали актрисой?

— Он не хочет понять меня, — она наложила немного помады на губы. — Я уже провела пробы. Полный успех. Один продюсер предложил мне контракт. Знаете, что сделал Фрэнк?

— Где он похоронил вашего продюсера?

— О, Фрэнк не убил его, он просто сделал так, что тот отказался от желания снимать меня, а все остальные насторожились.

Она поднялась и сняла халатик, оставшись только в трусиках и бюстгалтере. Это её несколько не смущало, похоже было на то, что она действительно смогла бы стать кинозвездой.

— Остаётся только надеяться на то, что и надоем ему, — проговорила она, открывая шкаф, полный разнообразной одежды, — и тогда я смогу оставить Лека и заняться своей карьерой.

Я смотрел, как она натягивала на себя чёрную комбинацию.

— У вас немного шансов выкрутиться, — произнесла она и пронзительно взглянула на меня. — Явная несправедливость, что такой молодой, полный жизненных сил человек должен умереть, но с этим ничего не поделаешь, — и она начала одевать белую блузку.

— Вы можете мне помочь, если захотите...

— Каким образом?

— Я не убивал Марти. И я хочу докопаться до истины: найти того, кто это сделал.

Если это её тронуло, то внешне никак не выразилось. Казалось, что она всецело поглощена своей юбкой. Только натянув её, она отреагировала на мои слова:

— Если вы не убивали Марти, то я ничем вам помочь не могу. Я не знаю, кто это сделал.

— Когда вы узнали о его смерти?

— Сюда позвонили, рассказали Фрэнку. Он был со мной, как и все остальные ночи... Не поверите, что такие простые люди могут быть столь... усердными.

— Кто сообщил ему об этом?

— Виктор Рюнкон из конторы районного прокурора. Видели бы вы, как это подействовало на Фрэнка! Сын — это единственный человек, которого он любил.

Она достала из платяного шкафа бежевый жакет и надела его.

— Узнав об этом, Фрэнк стал сам не свой. Он даже заплакал.

Она улыбнулась:

— Мне пора. Хотите спросить ещё что-нибудь? Я могу вам сказать только одно: Фрэнк предлагает мне выйти за него замуж. Знаете зачем?

— Посмотрите на себя в зеркало.

Её улыбка стала ангельской. Хотя она и привыкла к комплиментам, тем не менее получать их считала приятным.

— Не шутите. Он считает, что я ещё не так стара, а он хочет иметь другого сына. Разве он не сумасшедший? Думать, что я рожу ему сына...

— Вы выйдете за него замуж, если он будет настаивать?

— Нет, конечно.

— Вы уверены, что не знаете, кто бы мог желать смерти Марти? — ещё раз спросил я её.

— Нет, не знаю, — она немного подумала. — А возможно, одна из девочек, с которыми он развлекался...

— Вы об этом тоже знаете?

— Конечно. Марти был садист. В некоторой степени женщинам это даже нравится. Но он переходил все границы. Он мог иметь любую женщину, девушку, которую пожелает. Или за деньги, или потому, что он сын Фрэнка Лека. Возможно, чтобы возбудиться, ему нужно было быть жестоким.

— Как вы узнали об этом?

— Узнал Рюнкон и рассказал Фрэнку, — Эстелла взяла гребень и повернулась к зеркалу, приводя причёску в порядок. — Рюнкон говорил, что Марти уже изуродовал нескольких девушек и, вообще, охотится за ними.

— И как на это прореагировал Лека?

— Фрэнк не придавал этому никакого значения.

Я смотрел, как она собрала копну своих светлых волос в «хвост», что сделало её похожей на девчонку и выгодно оттенило сексуальный голос и чувственный рот.

— Вам приходится встречаться с Джейн, вдовой Марти?

— С Джейн? Время от времени встречаемся...

— Она вам нравится?

— Я об этом не думала. Я не надоедаю ей, она — мне, — Эстелла взяла из ящика туалетного столика свою сумочку и стала укладывать в неё разную косметическую мелочь.

— Как вы думаете, знала она об увлечениях своего мужа?

— Уверена, что догадывалась, — ответила Эстелла без колебаний. — Она не настолько глупа. К тому же Марти почти все ночи проводил вне дома.

— И это её не трогало? Ведь они женаты всего лишь два года...

— Не знаю, нравилось ли ей это, но внешне неудовольствия она не проявляла.

— Наверное, можно сказать, что нравилось. У неё у самой оказывалось много свободного времени. По ночам.

— Что вы хотите этим сказать?

— У Марти были подружки. Реально предположить, что у неё могли быть друзья...

Эстелла внимательно слушала меня. Выражение её лица не изменилось.

— Если это и так, то Джейн вела себя очень осторожно. И в дальнейшем ей лучше всего вести себя так же... если Фрэнк что-нибудь узнает..., — она оборвала фразу. Закрыла сумочку. — Надо идти. У меня совершенно не осталось времени.

— Вы мне не очень помогли.

Она серьёзно посмотрела на меня.

— Никто вам не поможет, Бэрроу, и вы это прекрасно осознаёте.

— Мне поможет тот, кто убил Марти, — сказал я. — Хочет он того или нет, но поможет...

Я тоже поднялся.

— Надейтесь!

Я посмотрел на неё.

— Фрэнк приходит сюда каждый вечер, — сказала она мягко.

— Ну и что?

— Её глаза снова стали круглыми и невинными.

— Значит, у вас есть возможность его подстеречь. Если вы его убьёте, то избавитесь...

Я невольно улыбнулся: она была ослепительно великолепна.

— Это прежде всего устранит препятствия для вашей карьеры кинозвезды, не правда ли?

— Да, и это... тоже.

— Лека приходит сюда один?

Я видел, что она намеревается солгать, но всё-таки сказала правду:

— Нет. Его обычно сопровождает несколько человек, его телохранители. Но только один заходит сюда вместе с ним, остальные остаются в машине. Вы могли бы...

— Мне это ни к чему, — ответил я. — Если я это сделаю, мною займутся другие. Сожалею, что ничем не могу вам здесь помочь...

— Мне тоже очень жаль, — вздохнула Эстелла.

Когда я уже поворачивался, чтобы уйти из квартиры, взгляд наткнулся на что-то знакомое. Я замер и присмотрелся внимательно. Ящик с бельём в платяном шкафу, который Эстелла оставила полуоткрытым, был немного выдвинут. И то, что там находилось, привлекло невольно моё внимание, разбудило определённые воспоминания. Я подошёл к ящику и вытащил из него розовый бюстгальтер с розовыми руками на каждой чашечке. Под ним оказались жёлтые трусики с такими же руками.

Эго я видел позавчера в выставочном салоне дома моделей Эдварда Стронгала.

14.

— Вам нравится этот комплект? — услышал я голос Эстеллы у себя за спиной. — Если у вас есть подружка, которой он подойдёт, можете взять. Он мне велик.

Ни на бюстгальтере, ни на трусиках не было никакой этикетки.

— Вы давно знакомы с Эдвардом Стронгалом?

— С кем?

Я повторил имя. Она отрицательно покачала головой.

— Я его не знаю.

— А Боба Стронгала?

— Также не знаю.

— Где же вы тогда достали эти оригинальные вещи?

— Мне их подарил Фрэнк на прошлой неделе. Это был его первый подарок такого рода и, естественно, он не угадал размер...

— А где он их взял?

— Не знаю. Обычно он даёт мне деньги. Он сказал, что увидев это белье, сразу же решил, что оно мне понравится и подойдет...

— Лека говорит с вами о своих делах?

— О делах?! Со мной?! Конечно, нет!

— Не помните, не слышали ли вы от него такое имя: Эдвард Стронгал?

— Нет... А зачем это вам нужно?

— Тогда всё. Можете идти на свой урок.

Я позвонил одному из своих приятелей, который уже давно работал в индустрии готового платья. В конторе его не оказалось, но мне удалось найти его дома, в Бронксе. И я принял предложение навестить его дома.

Мы поговорили с ним за обедом. Он был одинок и готовил себе сам. Причём, готовил очень хорошо. Что же касается дела, то он стоял у истоков этой отрасли и знал всё. Достаточно много он знал и о Фрэнке Лека, и об Эдварде Стронгале.

Лека был уже деятелем достаточно крупного масштаба в преступном мире, занимаясь, главным образом, рэкето́м, когда начал интересоваться и индустрией готового платья. Скоро стали происходить ограбления автомашин с тканями и мехами. Затем, лет пять назад, он прервал свою деятельность на 7-й авеню, уступив свои права другому гангстеру в обмен на рэкет в Бруклине.

Эдвард Стронгал основал свой дом моделей как раз в то время, когда Лека хозяйничал здесь, на 7-й авеню, занимаясь рэкето́м в индустрии готового платья. Его фирма, сначала весьма скромная, разрасталась с фантастической быстротой. И это указывало только на одно: на мощную финансовую поддержку извне, так как никаких видимых средств у Стронгала не было, только его личные сбережения торгового инспектора.

Мой друг ничего определённого о связях Лека со Стронгалом не знал.

Но даже того, что он мне сказал, было более, чем достаточно. Я воспользовался телефоном приятеля, чтобы позвонить своей телефонистке. У неё оказались для меня два сообщения. Первое: Чисс оставил номер телефона, по которому его можно отыскать. Второе: Кора хотела, чтобы я ей позвонил.

Сначала я набрал номер телефона Кору в приморском

домике Стронгала. К телефону долго никто не подходил, однако, в конце концов, трубку взяли. Взяла трубку, судя по всему, Кора, но у неё был очень неестественный голос:

— Джек, я подумала об одной вещи. Мне нужно поговорить с тобой.

— О чём?

— Я не хочу говорить об этом по телефону... Сможешь приехать сюда?

— Думаю, что смогу, — ответил я. — Ты себя хорошо чувствуешь?

Наступила пауза, потом последовал быстрый ответ:

— Хорошо, — и после короткого замешательства: — Я жду тебя. — Кора повесила трубку.

Я некоторое время задумчиво смотрел на телефон, затем набрал номер, который мне оставил Чисс.

— Гриль-бар «Микки». Что вам угодно?

— Джордж Чисс у вас?

— Да, он здесь. Минутку...

Секунд через тридцать раздался голос Чисса:

— Джек?

— Да. Что нового у вас?

— Это были самые прекрасные похороны из тех, что мне приходилось видеть. Лека просто рыдал, когда опускали гроб

Я скривился, глядя на телефон.

— Я не о похоронах. Вы же знаете, что меня интересует?

— Да, конечно. Я узнал всё, что вы хотели. Это оказалось совсем несложным делом. Я просто проследил за вдовой Марти, которая отправилась прямо к нему сразу же после похоронной церемонии. К тому же не куда-нибудь, а домой. Его зовут Бад Джонсон. Он тромбонист из ресторана при одной из гостиниц. От парня я узнал, что он проводит с ней почти все ночи, включая и ту самую. Она пришла к нему примерно за час до того, как убили Марти в вашей конторе, и оставалась у него часа три.

— Следовательно, её нужно исключить из числа подозреваемых?

— Если, конечно, она не наняла кого-нибудь...

— Это маловероятно.

— Пожалуй, что да, — согласился Чисс, — вряд ли

можно отыскать такого наёмного убийцу, который согласился бы ликвидировать сына Лека, причём за любые деньги. А что нового у вас?

— Есть кое-что. Оставайтесь там же и ждите меня.

Он рассказал мне, как найти этот бар. Было уже почти темно, когда я поехал по указанному Чиссом адресу. Я забрал Чисса из бара, и мы направились к его машине. Чисс, похоже, набрался и казался таким же пьяным, каким я его видел при нашей первой встрече в таверне, когда он вешался и уложил одним ударом барменшу. Я надеялся, что и сейчас он сможет выполнить свою задачу.

Чисс внимательно выслушал мой подробный рассказ о разговоре с Корой и задумчиво потёр пальцами массивный подбородок.

— Здорово пахнет западней, — произнёс он.

Я в знак согласия кивнул головой.

— Мне тоже так кажется, поэтому-то вы мне и нужны. Пистолет, что я вам оставил, при вас?

— Да.

— Тогда поехали, посмотрим, что это за западня.

Окончательно стемнело, когда Чисс остановил «форд» на улице рядом с виллой Стронгала. Я вышел и пошёл бешком, стараясь держаться под прикрытием кустарника и деревьев, растущих вдоль улицы.

Затем свернул с улицы и осторожно двинулся по лужайке, стараясь шагать бесшумно. Когда я подошёл достаточно близко, чтобы видеть при свете луны вход в виллу, то остановился в тени громадного дуба. Я достал пистолет, направил его в сторону дома и замер в ожидании.

Минут через пять, скрежеща тормозами и выля из стороны в сторону, появился «форд». От очередного резкого торможения машину круто занесло, и она остановилась точно у входа в дом. Вышел Чисс и, шатаясь, направился к почтовому ящику, освещённому фарами автомобиля: он не хотел, чтобы его приняли за меня. Чисс уцепился обеими руками за ящик, чтобы удержаться на ногах и принялся водить носом по тому, что там было написано.

— Номер правильный, — пропел он, — но фамилия не та. Не понимаю...

Он очень правдоподобно оторвал одну руку от ящика

и протёр ею глаза. Потом, стараясь держаться прямо, но пошатываясь, повернулся к машине. Сцена была сыграна прекрасно. Сказалась хорошая тренировка и большой опыт полицейского.

Усевшись в машину, он медленно тронулся с места, пытаясь развернуться. Из темноты раздался голос:

— Стой!

Машина покорно замерла. Чисс высунулся из окна и игриво сказал:

— Привет! Как вечеринка?

Человек подошёл к машине с той стороны, где сидел Чисс. В одной руке он держал электрический фонарик, другая была засунута в карман. Он подошёл очень близко к машине и должен был почувствовать запах алкоголя, которым Чисс накачался в баре, но со стороны было заметно, что он держался настороже и не торопился вытаскивать руку из кармана.

— Что вы хотите? — спросил он у Чисса.

— Ещё спрашивает! Приехал на вечеринку...

— Ошиблись адресом, старина. Уезжайте отсюда.

— Но адрес правильный. Номер как раз тот, что мне дали...

Человек подошёл вплотную к машине и осветил салон. Луч фонаря осветил не только внутренность машины, но и тёмный силуэт ещё одного человека, стоявшего в кустах между мной и домом.

Я двинулся по направлению к нему.

— Вы хотите прогнать меня, — начал возмущаться Чисс, — но ведь я приглашён!

— Проваливай отсюда, старый пьянчуга! — прорычал человек с фонариком. — Если ты не уберёшься со своим катафалком...

Оказавшись за спиной второго человека, целиком поглощённого наблюдением сцены, в которой участвовал Чисс, я ударил его пистолетом по голове. Возможно, немного сильнее, чем хотелось бы, но я должен был быть уверен, что пару часов он не станет мне докучать. У него оказался прочный череп. Он не проломился, но, тем не менее, человек рухнул на землю. Массивное тело при падении вызвало шум, который услышал человек с фонариком в руках, стоящий около «форда».

Он повернул голову, и в тот же миг рука Чисса мелькнула в открытом окне автомобиля и нанесла ему удар по

горлу. Человек, не издав ни звука, свалился на машину. Я не видел, что ещё с ним делал Чисс, но, в конце концов, этот тип растянулся на земле около автомашины.

Чисс нагнулся и исчез из вида. Я поднял пистолет, готовый стрелять, но ничего не последовало. Чисс выбрался из автомобиля и присоединился ко мне. Я начал прокладывать себе дорогу к дому, не спуская глаз с человека, распростёртого на земле.

— Это надолго? — спросил я у Джорджа.

— Не беспокойтесь, — ответил Чисс, — проваляется несколько часов. — Он вытащил из кармана пистолет и, указывая им на дорожку, выходящую по направлению к пляжу, предложил:

— Вы идите там, а я пойду с этой стороны...

Я двинулся сквозь кустарник, следуя вдоль дорожки, указанной мне Чиссом. Не заметив ничего подозрительного, я выбрался на пляж. Чисс уже поджидал меня там.

— Давайте проверим кусты со стороны моря, а затем двинемся к задней стороне дома, — сказал я. — Я пойду с этой стороны...

Чисс согласно кивнул головой и исчез в темноте. Я осмотрел кустарник с правой стороны. Никого. Оставался только дом. Я почти ползком пробрался вдоль пляжной полосы и оказался напротив дома. Никого. Ничего подозрительного. Осталось заглянуть внутрь.

Согнувшись, я приблизился к той самой ставне, где, как я знал, была щель, и заглянул в гостиную. Кора лежала, распростёртая на подушках перед камином со связанными за спиной руками. Высокий широкоплечий бандит стоял на коленях рядом и, коротая время в ожидании меня, развлекался с нею. Он находился ко мне спиной, позволяя видеть лишь движения его рук, но я видел, как Кора, сжав челюсти от бессилия и ненависти мотает взад-вперёд головой, видел её ноги... Я бросился налево, к двери. В этот момент на крыше, как раз над мной послышались шорох. Я прыгнул в сторону и автоматически вскинул вверх руку с «магнумом». Какой-то человек целился в меня.

Мы выстрелили одновременно. Его пуля вонзилась в песок между моими ногами, моя же расколола ему череп. Труп покатится вперёд и рухнул с крыши.

Я моментально упал на землю и наставил пистолет на дверь дома. Бандит, находившийся внутри дома, по-види-

мому, воспользовался другой дверью. Я подождал ещё несколько секунд и поднялся с земли. Бандит, держа пистолет перед собой, неожиданно появился из-за правого угла дома. Мы оказались друг перед другом с пистолетами, но выстрелить никто из нас не успел. Откуда то из темноты раздался выстрел. Человек прислонился к стене дома, его рука с пистолетом опустилась. Из темноты раздалась ещё два выстрела: бандит сделал шаг вперёд и рухнул на песок.

Потом появился Чисс и глянул на убитого.

— Первым же выстрелом, — проговорил он, ещё не отдышавшись.

— Спасибо.

Он удивлённо посмотрел на меня.

— За что? Я не могу позволить убить вас кому бы то ни было... за исключением Лека.

— Сходите, проверьте, нет ли ещё кого-нибудь, — сказал я.

Чисс исчез. Я открыл дверь и вошёл в дом. Кора уже была на ногах, готовая бежать. Едва она меня увидела, ноги у неё подкосились. Она упала на колени и начала рыдать.

Я поднял её и уложил на диван. Всё её тело было мокрым, и были видны следы от удара хлыста. Я повернул её на бок, чтобы развязать ленту, стягивающую ей руки за спиной.

— Прости меня, — рыдала она. — Я не хотела завлечь тебя в ловушку... меня заставили... они...

— Не думай больше об этом, — сказал я мягко. — Теперь уже всё позади. Всё в прошлом. Я всё понимаю...

— ...я пыталась отказаться, — продолжала она, — пыталась... меня били по щекам... меня щипали... но я всё отказывалась... потом они мне сказали, что порежут всё лицо ножом... совершенно серьёзно... этого я уже не выдержала... я... просто... трусиха...

— Всё будет хорошо, — пытался я её успокоить — Никто и не надеялся, что ты окажешься кремнем. У каждого есть свой предел...

Наконец, мне удалось развязать её.

— Тебе плохо?

— Пройдёт. Они проделали со мной то, что я тебе рассказала и ещё... это животные!.. дегенераты!..

И она снова начала плакать. Я прижал её к себе.

— Ну, Кора, успокойся! Всё уже кончилось...

Она затихла. Я поднялся с дивана, подошёл к бару, налил половину большого стакана виски и принёс ей. Она взяла стакан обеими руками и выпила одним залпом. После этого она расслабилась и закрыла глаза.

— Где твоя одежда? Я тебе помогу...

— Нет, — ответила она, — я сама...

Она пошла в спальню, а я вернулся к бару, чтобы налить себе виски.

Когда я вошёл в спальню, Кора уже надела рубашку и натягивала брюкч, морщась от боли. Закончив одеваться, она села на краешек кровати, неестественно выпрямившись.

Я стал на колени и помог надеть ей туфли.

— Я отвезу тебя к одному моему знакомому врачу. Он даст тебе успокоительное и всё остальное, что надо. Можешь остаться у него на сколь угодно продолжительный срок до тех пор, пока не почувствуешь себя хорошо и уверенно. Там тебя никто не найдёт.

— А его семья?

— У него нет жены, она умерла, а дети уже женаты и живут отдельно. Вы будете одни. Он хороший врач и симпатичный человек. Он будет рад сделать это для меня, и думаю, что тебе там понравится...

— Хорошо, — сказала она. Голос у неё был покорный и усталый.

Мы поднялись. Я посмотрел на неё.

— По сколько комплектов белья каждой из тех моделей, что я видел у вас, было изготовлено?

Она удивилась:

— По два комплекта каждой модели. Один — для демонстрации в нашем салоне, другой — для демонстрации на будущей неделе в Чикаго. Почему ты спрашиваешь об этом?

— Я видел одну из этих моделей в квартире одной девушки. Как, интересно, она могла к ней попасть?

Глаза Кору задумчиво сощурились:

— Какая модель? Жёлтый комплект с розовыми рукавами?

— Да. А ты откуда знаешь?

— Это как раз недостающий комплект,

— Недостающий?

— Когда пару недель назад подбор коллекции был

завершён, я оставила его в кабинете Эдварда. На следующее утро выяснилось, что один комплект пропал. Пришлось его срочно восстанавливать.

— Стронгал знал об этом?

— Да... он сказал, что его посетил один из его друзей и выпросил эту модель для своей жены...

15.

Эдвард Стронгал занимал аппартаменты в отеле «Палас» в Центральном парке. Я поехал к нему на машине Кори, а Чисс отвёз её на своём «форде» к моему другу доктору.

Дверь открыл мне сам Стронгал. На нём был одет смокинг, туго сидевший на мощных плечах. Из телевизора за его спиной изливались потоки дичайшей музыки. Стронгал удивленно посмотрел на меня:

— Привет, мистер Бэрроу. Чем могу быть вам полезен?

— Разрешите войти?

Он на мгновение заколебался, но потом всё-таки согласен кивнул головой:

— Конечно... проходите...

Я вошёл в гостиную, обставленную просто, но дорого. Стронгал закрыл дверь и, пройдя через всю комнату, выключил телевизор. Перед экраном стояло кресло, рядом с ним на столике — спиртное со льдом.

— Вам приготовить что-нибудь? — спросил Стронгал, стараясь держаться естественно.

— Нет, благодарю вас. Вы один?

— Да.

Но я всё-таки заглянул в остальные комнаты. Вернувшись в гостиную, я нашёл Стронгала на том же месте, где я его оставил. Он явно нервничал.

— Кого вы ищите?

— Ваш сын живёт вместе с вами?

— Нет. Когда он приезжает на каникулы, я ему снимаю номер в отеле, а вчера он вернулся в свой колледж. Почему вы спрашиваете меня об этом?

— Не знаю... У Лека был сын, у вас он есть. Возможно, здесь есть какая-то связь...

Дрожание рук выдавало его.

— Что всё это значит? О чём вы говорите? Какая могла быть связь между...

— Прекратите лгаты! Вы уже достаточно лишнего говорили и мне, и Коре! Возможно, и Лека. Когда Кора рассказала вам о телефонном звонке, вы притворились, что не знаете, кто такой Марти. Это была первая, но не последняя ваша ложь.

— Что вы говорите? — прервал меня Стронгал. — Откуда вы можете знать...

— Хватит! — оборвал я его. — Я знаю, что Фрэнк Лека — ваш компаньон.

Стронгал сел на краешек кресла, вцепившись руками в подлокотники. Потом он всё-таки обрёл дар речи:

— Значит, вы всё это знаете...

Я до этого момента только предполагал...

— Да, знаю. Лека обеспечивал финансирование вашего дома моделей с самого начала, и вы до сих пор связаны с ним. Не более, как две недели тому назад вы дали ему комплект одной модели из новой коллекции для его любовницы. Когда Кора рассказала вам о звонке Марти Лоуренса, вы прекрасно знали, кто такой этот самый Марти, но ничего не сказали ей об этом. Более того, именно вы посоветовали ей обратиться к частному детективу. И, наверняка, ничего не сказали об этом своему коллеге и компаньону Фрэнку Лека. Почему? Зачем? Ответ может быть только один: вы надеялись, что Марти влипнет в какую-нибудь историю или... может быть, даже будет убит!

— Неправда! — возразил Стронгал. — Я не знал, кто такой Марти Лоуренс. Я, конечно, знал, что у Фрэнка есть сын, но не знал, что тот носит фамилию Лоуренс.

— Вы знали его имя?

— Да, но не связал это с Лека, когда Кора рассказала мне о телефонном звонке.

— Если всё рассказать Лека, то он вряд ли поверит в это. И я надеюсь, вы прекрасно понимаете, что сделает Лека, узнав о вашей причастности к смерти своего сына?

Лицо Стронгала покрылось крупными каплями пота.

— Почему? — голос его дрожал. — Зачем вы хотите сделать это?

— Я не говорил, что хочу сделать это. Но могу. Не ради своего удовольствия. Мне нужно спасти самого себя. И поэтому я должен знать что произошло в действительности. Можете начинать говорить, но только правду, обо

всём, что касается ваших взаимоотношений с Лека. Как только скажете не то, я сразу же уйду отсюда и всё сообщу этому бандиту.

Стронгал закрыл глаза. Я ждал. Его глаза открылись. В них был откровенный ужас, пальцы вцепились в подлокотники кресла.

— Вы уже знаете... — начал он хрипло, — что давно, ещё когда я только начинал, Лека пришёл ко мне с предложением поставлять мне ткани по более низкой цене, чем другие поставщики. В обмен он потребовал нелегальное участие в деле. Я... согласился. Я не сделал бы этого, если бы мог выкрутиться сам...

— Следовательно, своими успехами вы обязаны его помощи?

Стронгал нерешительно покачал головой:

— У меня не было выбора. В то время я не мог отказаться. Сейчас же процветание фирмы обусловлено только нашими заслугами. Я неоднократно пытался развязаться с Лека, вернув ему пай, но он неизменно отказывается. Мой сын Боб через три года должен сменить меня на посту главы фирмы. Он не знает о Лека и... я хочу, чтобы он об этом не узнал никогда.

— Почему Лека не хочет уступить вам свою долю? Разве его ещё интересует индустрия готового платья?

Стронгал провёл рукой по вспотевшему лицу.

— Я в сложном положении. Вы можете подумать, что у меня были мотивы для убийства его сына. Но это не так, клянусь вам. Я не имею никакого отношения к его смерти.

— Я это знаю. Если бы вы знали, что, в конце концов, Марти окажется мёртвым, вы смогли бы сообразить, что Кору Шейл будут допрашивать в полиции, и тогда всплывёт то, что именно вы посоветовали ей обратиться к помощи частного детектива. А это, в свою очередь, обязательно дошло бы до Фрэнка Лека, который пока ещё считает меня единственным виновником смерти Марти.

Была ещё одна причина... Если действительно Стронгал хотел повесить на меня убийство Марти, то он был бы заинтересован и в том, чтобы со мной было покончено как можно скорее. Но, очевидно, бандитов проинформировал о местопребывании Кору и о её связи со мной не Стронгал. Он то мог сделать это гораздо рань-

ше, и тогда бы для меня не было сегодняшнего дня...

— Ваша идея в большой опасности, — сказал я ему. — Если Лека узнает, что именно вы предложили мисс Шейл воспользоваться моей помощью, то тот, недолго думая, посчитает виновным и вас. Единственная возможность для вас спастись — это помочь мне доказать, что я не убивал Марти.

Стронгал сжал руки так, что они побелели.

— Как это сделать?

— Расскажите мне всё-всё, что знаете. Я должен играть эту партию с открытыми картами. Итак, почему же всё-таки Лека не хотел уступать свою долю в вашем предприятии?

— Зачем эти сведения могут вам понадобиться?

— Пока точно не знаю. Возможно, кое-что и свяжется с тем, что я уже выяснил.

Стронгал встал, налил себе немного виски и выпил.

— Как раз две недели назад я узнал, почему Лека отключал мои настойчивые просьбы о выкупе его доли, — начал Стронгал. — Он пришёл ко мне в контору как-то вечером и взял у меня со стола этот злополучный комплект, который лежал вместе с другими моделями нашей коллекции. Он сказал, что они ему понравились, и он их подарит своей знакомой девушке. Лека всегда поступает так: берёт всё, что захочет... Потом он мне сказал, что у него есть сын, который закончил колледж, женился и обосновался в Нью-Йорке. Лека хотел, чтобы его сын участвовал в нашем деле как полноправный компаньон... открыто. Естественно, это не могло мне понравиться. Я полагал, что настанет день, когда мой сын возглавит дело, заменит меня во главе фирмы... и я не хотел, чтобы Боб знал о моих связях ...с «синдикатом», с Лека. Но Фрэнк это не волновало. Он настаивал на привлечении к делам своего сына Марти.

— Почему?

Стронгал неопределённо пожал плечами:

— Думаю, что он готовил прикрытия для Марти с тем, чтобы тот, занимаясь нашими делами, постепенно принимал в свои руки и дела «синдиката» и мог впоследствии заменить его. Видимо, Лека намеревался через несколько лет поставить его во главе «синдиката».

Меня осенило. Так часто случается, когда наталкиваешься на факт, который является ключом ко всему. Ог-

дельные части встали на свои места, мозаика сложилась, образуя полную картину.

— Вы не говорили... совсем никому не говорили о прошлом Кору в Балтиморе?

Стронгал немного сжался.

— Нет, конечно.

Я поверил ему потому, что если это сделал не Дюк Флемминг, то его незачем было убивать. Вероятность того, что он действительно стал жертвой несчастного случая была невелика.

— Ещё одно. Помощница Кору — Лорейн Найт — знает о вашем домике на берегу океана?

Он немного смутился. Я поднял брови.

— Да, знает.

— Значит, вы с ней стали встречаться, после того, как Кора бросила вас?

Стронгал нахмурился.

— Мы с Лорейн встречаемся время от времени. В этом нет ничего плохого. Я — вдовец...

— Где она живёт?

— Зачем вам это? — неожиданно спросил он меня.

— Потому, что она блондинка, — ответил я и, получив у него адрес мисс Найт, покинул его.

Чисс ожидал меня в машине, стоящей в двух кварталах от отеля. Я сел рядом с ним.

— Как Кора?

— Доктор сказал, что за несколько дней он приведёт её в норму, — ответил Чисс. — Ну, что, обнаружили что-нибудь?

— Да, — ответил я и печально улыбнулся. — Я понял, кто убил Марти.

16.

Лорейн владела небольшим одноэтажным домиком и полуакром земли в Нью-Джерси, недалеко от моста Джорджа Вашингтона. Когда я постучал в дверь, в домике было темно. Через некоторое время я снова постучал. Наконец, в окне, выходящем на улицу, зажгёлся свет.

— Кто там? — спросили через дверь.

— Джэк Барроу. Мне необходимо переговорить с вами. Кору угрожает опасность.

Некоторое время она молчала.

— Подождите минутку, я что-нибудь накину на себя. Я вытащил пистолет из кобуры и направил его на дверь. Прошло несколько долгих минут.

Лорейн открыла дверь. На ней был лазурного цвета халат, подчёркивающий все изгибы тела. На голых ногах — домашние меховые гуфли. Светлые волосы были взлохмачены, но если она пыталась создать впечатление, что я разбудил её, то очень неудачно: на лице Лорейн не было ни малейшего следа сна.

Увидев направленный на неё пистолет, она вытаращила глаза. Я вошёл. Она отступила в глубь дома. Я прикрыл за собой входную дверь.

Мы находились в небольшой гостиной, обставленной элегантной современной мебелью. Слева сквозь открытую дверь была видна столовая, дальше кухня, справа чуть приоткрытая дверь, судя по всему, вела в спальню.

Наконец, она обрела дар речи.

— Поч... почему вы с пистолетом? В чём дело?

— Это только предосторожность, — ответил я, — на тот крайний случай, если бы вы открыли дверь, сжимая в своей руке пистолет. Но раз вы без него, то и мне он не нужен. — И я сунул «магнум» в кобуру.

— Не понимаю, — сказала она, — почему вы решили, что я открою вам дверь с пистолетом в руке? Почему вы решили принять такие экстравагантные меры предосторожности?

Что ж, она неплохо держалась.

— Ну, допустим, услышав мой голос, вы смогли бы понять, что я узнал о вас всё...

— Не понимаю, о чём вы говорите. Вы мне сказали, что Коре угрожает опасность и...

— Я оговорился. Коре угрожала опасность. Теперь ей ничто не угрожает. И мне тоже больше не угрожает опасность Ловушка, подстроенная с вашим участием, не сработала...

Лорейн недоуменно пожала плечами.

— Надеюсь, вы объяснитесь?

— Разумеется. «Синдикат» последние дни только и занят тем, что разыскивает меня, чтобы ликвидировать. Сегодня меня пытались заманить в приморский домик Стронгала, но немного просчитались. И после этого я начал объединять все известные мне факты: Кора и Стронгал, их взаимоотношения, круг лиц, который об

этих взаимоотношениях знал; я и Кора, наши взаимоотношения, и тоже круг лиц, который о них знал; предположительное местопребывание Кору, и опять круг лиц, который его мог знать... и везде присутствуете вы...

— Я? — Лорейн явно нервничала, но не была столь испугана, как можно было ожидать. — И как вы пришли к столь нидотскому заключению?

— Растолкую несколько подробнее: вы — первый кандидат на то место, которое занимает Кора. И вы хотите занять её место. У вас есть друг, которому пужна была смерть Марти Лоуренса... по той же самой причине. Мысль объединить эти два желания пришла вам после встречи с Дюком Флеммингом

— Кто это?

— Кто это, вы узнали во время одного из его посещений мисс Шейл в конторе. Увидев его, вы заинтересовались, скорее из простого любопытства, что может быть общего у Кору Шейл с таким типом, как он. Вам было нетрудно подслушать разговор между ними... ну, понятное дело, через общую дверь. Дальше: только техника. Можно предположить, что вы проследите за ним, потом — выпивка развязала ему язык. Всё, что вам удалось у него выяснить, вы рассказали вашему другу и, скорее всего, даже свели их вместе. Виски окончательно позволило вам проникнуть в прошлое мисс Шейл.

— Вы меня действительно обвиняете, — спросила она, — или только пытаетесь напугать?

— Не думал и не думаю, сейчас тем более, что вас легко напугать. Продолжаю дальше: первоначально вы строили планы с расчётом свалить вину за убийство Марти Лоуренса на Кору Шейл. Но она обратилась к моей помощи, и вы тоже об этом своевременно узнали. Поэтому несколько перекроили планы, и решили это убийство повесить на меня — частного детектива, повздорившего с Марти Лоуренсом или Марти Лека, это уже как вам будет угодно.

— Вы не учли одного, — поправила меня она, — я могла знать, что Кора вам звонила, но как я могла знать, что вы — частный детектив?

Я пожал плечами.

— Разными путями. Догадаться, поскольку Кора связалась со мной сразу же после звонка Марти и разговора со Стронгалом. Или найти мою фамилию в телефон-

ной книге, а там написано, кто я такой. Или подслушать наш с Корой разговор всё через ту же дверь. Или же назвать моё имя своему другу, а он прекрасно знает, кто есть кто в наших кругах.

— Какому другу?

— Это несложно установить. Вы блондинка и это, кстати сказать, навело меня на правильный путь. Лека имеет интерес в бизнесе Стронгала, Виктор же Рюнкон внимательно контролирует все дела Фрэнка Лека. Следовательно, с большой степенью вероятности можно предположить, что вы знакомы с мистером Рюнконом, а он дьявольски обожает блондинок.

Дверь из спальни широко распахнулась, и на пороге появился Виктор Рюнкон с пистолетом в руках:

— Вот это умственная работа! И она, к сожалению, ни к чему...

Подняв руки, я смотрел на костлявую фигуру в розовой пижаме. На его конопатом лице, как всегда, была маска безразличия. Никакого выражения триумфа, хотя он и держал меня на прицеле. Он казался озабоченным, и я знал чем: если я догадался об истине, то знает ли о ней ещё кто-нибудь, кроме меня. Подтверждением этому служил тот факт, что он не убил меня сразу. Более того, он решил задавать мне вопросы:

— Как вы пришли к этому?

— Ну, в общих чертах, я это уже сказал. Кроме того, было много других фактов. Был, например, разговор в таверне этих двух гангстеров, как их звали, да, Винци и Джипа... Они говорили, что их послал Рюнкон, который был уверен, что я вернусь туда. Единственной основой для вашей уверенности могло быть только ваше участие в убийстве Марти.

— И на таких предпосылках вы строите все ваши умозаключения?

— О, нет. Мои умозаключения в таком случае не стоили бы и цента. Я узнал, что у вас был мотив для убийства Марти.

Выражение его лица мгновенно изменилось: от безразличия не осталось и следа.

— И какой же это мотив?— хриплым голосом спросил он.

— Лека намеревался передать бразды правления, «синдикатом» в руки своего сына — Марти Лоуренса. А этот пост намеревались занять вы сами...

Я попал в точку. Лицо Рюнкона сжалось при неприятном воспоминании.

— Марти был бездельник, развратный и порочный,— прохрипел он.— И безмозглый к тому же. Он не соответствовал этому посту. Чем он заслужил его? Только тем, что родился сыном Лека? Он не любил своего отца, а я его люблю. Я действительно обожаю Фрэнка. Я отдал ему свои лучшие годы, все свои способности. Я детально, лучше чем он, знаю деятельность «синдиката». Я могу хоть сейчас занять этот пост и прекрасно всем управлять. Почему я должен его кому-то уступать, тем более порочному парню, который и вести-то себя осторожно не умеет?

— Это понятно,— проговорил я.— Когда вы с Лорейн узнали о прошлом Кору от Дюка Флемминга, вы увидели возможность избавиться от Марти и обвинить в убийстве мисс Шейл, и, чтобы на вас не упало и тени подозрения, вы рассказали о Коре Марти, наверняка зная, что тот не упустит возможность пошантажировать её с тем, чтобы ею овладеть. Таким образом, у Кору должен был появиться мотив для сведения счётов с Марти Лоуренсом. Дальше вам оставалось бы, возможно, доставить его труп в её квартиру и сделать мисс Шейл козлом отпущения. Пока правильно?

Рюнкон кивнул. Мне же надо было, чтобы он прореагировал не только молчаливыми кивками. Я должен заставить говорить его самого, стоя под прицелом его пистолета.

— Вы составили оригинальный план, но тут вмешался в эти игры я. Тогда вы решили повесить всё на меня. Это, наверное, показалось вам даже логичней. А я сам, своими действиями сделал ваш план ещё более надёжным, ссегнившись с Марти и отделав его как следует, спровоцировав у него желание отомстить мне.

Вдруг в наш разговор вмешалась Лорейн:

— Что ты ждёшь, Вик? Убей и его, и мы окончательно освободимся от этого дела.

— Помолчи,— осадил её Рюнкон,— я хочу выслушать всё, что он скажет.

— Меня интересует только одно,— продолжал я.— После того, как мы с Корой покинули таверну, где вы встретились с Марти?

— Я ожидал его в машине на улице, недалеко от таверны. Когда я увидел, что вы с мисс Шейл уехали,

я подъехал к таверне. Машину я оставил на автостраде, а сам пошёл пешком через кустарник, чтобы быть уверенным, что меня никто не заметит. Я подошёл как раз в тот момент, когда Марти садился в машину. Он был здорово возбуждён. Я спросил его, что произошло. Он рассказал.

— Кто из вас предложил поехать за мной и убить меня? Кто предложил ехать ко мне в контору?

— Я,— признался Рюнкон, чувствуя себя уже совсем уверенно.— Я сказал ему, что видел, как вы уходили из таверны и знаю, где вас искать. Пистолет всегда был у него в машине.

Рюнкон усмехнулся и прикусил верхнюю губу.

— Без моей помощи Марти не осмелился бы отправиться к вам. Ведь помимо всего прочего, он был ещё трусоват. Я убедил его в том, что смогу обеспечить ему алиби на момент вашей смерти.

— Как вы первоначально предполагали убить его?

— Я думал бить его рукояткой пистолета, пока не прикончу.

— Но увидев в конторе пепельницу, решил, что она больше сможет подойти в качестве доказательства моей причастности к убийству, не правда ли? Однако, как я понял, Марти догадался о ваших истинных намерениях. Скорее всего, это произошло в тот момент, когда вы схватили пепельницу. Он успел выхватить пистолет, а вот увернуться от вашего удара не сумел. Он успел нажать на спуск, но пуля прошла мимо. Потом вы спустились по пожарной лестнице на улицу.

— Всё правильно,— сознался Рюнкон,— что у вас есть ещё?

— Это всё.

— Раз это всё, тогда и с вами всё,— произнёс он.

Он поднял пистолет и прицелился мне между глаз. В этот момент входная дверь распахнулась, и в комнату ворвался Чисс с пистолетом. Такой точной и быстрой стрельбы мне ещё видеть не приходилось: пуля попала в ствол пистолета, зажатого в руке Рюнкона, даже не ранив его самого. Но, видимо, боль оказалась сильна. Он непроизвольно согнулся, прижал руку к животу и прикусил верхнюю губу. Лорейн бросилась было к выпавшему оружию, но я опередил её и, схватив пистолет, направил на них.

— Ни с места!— приказал я.

— Никто вам не поверит, — прохрипел Рюнкон и, с ненавистью глядя на Чисса, добавил — особенно ему.

Чисс вышел. Через несколько секунд он вернулся с магнитофоном в руке. Лорейн и Рюнкон смотрели на него, широко открыв рты. Он в ответ иронически улыбнулся. Я сказал:

— Мы знали, что вы здесь. Чисс узнал ваш автомобиль, стоящий в глубине квартала. Остальное было несложно. Обычная погоня за двумя зайцами, по заканчивающаяся успехом. Чисс остался за дверью, которую я намеренно оставил приоткрытой, с магнитофоном. Вы признались в убийстве Марти, Рюнкон. Всё, что вы говорили, записано на этой ленте.

Чисс поставил магнитофон рядом с телефоном, стоящим на маленьком столике, и движением пистолета приказал обоим отойти подальше от него:

— На диван и спокойно. Я стреляю очень хорошо, как вы успели убедиться...

Они послушно исполнили приказание. Лорейн сжала колени и уставилась на противоположную стену с бессмысленным выражением лица. Рюнкон внимательно наблюдал за моими действиями.

— Значит, вы записали всё, что говорилось в этой комнате,— с трудом произнёс он.— Но ведь это бесполезно. Суд не признает плёнку в качестве доказательства...

— Для суда, конечно, это не доказательство,— я перемотал плёнку,— но ведь я и не думал о суде...

Я снял телефонную трубку и набрал номер телефона Эстеллы Росс, любовницы Лека...

17.

Эстелла сняла трубку. Я назвал своё имя.

— Боже мой!— воскликнула она своим неповторимым голосом.

— Лека у вас?

— Да.

— Передайте ему: у меня есть веские доказательства, что я не убивал его сына. Скажите также, что мне известно имя настоящего убийцы, и я смогу доказать, что это сделал именно он

Тишина на другом конце провода свидетельствовала о том, что трубку прикрыли ладонью. Прошло несколько секунд. В трубке раздался резкий отрывистый голос Лека:

— Говорите, что у вас.

— Я сам говорить ничего не буду. Вы всё узнаете от человека, который является подлинным убийцей вашего сына. Его голос записан на магнитофон. Советую вам держаться обеими руками за что-нибудь, когда будете слушать...

Я поднёс трубку к магнитофону и включил его. Запись получилась чёткая и достаточно громкая. Сначала раздался мой стук в дверь, голос Лорейн, наш разговор с ней и всё остальное, вся наша беседа с Рюнконом до последнего слова.

Когда запись кончилась, я выключил магнитофон и снова взял трубку в руки:

— Вот и всё, Лека. С удовольствием отдам вам запись, если вы не узнали, кому принадлежит голос.

Секунд пять в трубке было тихо, потом Лека произнёс:

— Я узнал голос Рюнкона,— слова прозвучали как пулемётная очередь — Где он?

— Был у меня в руках, но ушёл вместе с Лорейн. Могу снова поймать его, если он вам нужен.

— Найдите и схватите его, доставьте его нам живым и назовите цену.

— Это опасно,— сказал я.— Я не смогу захватить его, если не выйду на улицу. Но это рискованно, так как первый же встречный ваш человек, увидев меня, начнёт стрелять.

— Дайте мне полчаса на телефонные звонки, потом можете ничего не опасаться. Даже если вы его мне и не доставите живым или мёртвым, это сделает кто-нибудь другой...

— Возможно, я схвачу его в ближайшие два часа. Вы можете подождать меня там, где вы сейчас находитесь?

— Да.

— Я позвоню вам,— и я положил трубку.

— Всё в порядке,— проговорил я, обращаясь к Чиссу.— В ближайшие полчаса все узнают, что это не я, а Рюнкон убил сына Лека.

Я добился того, чего хотел.

Настало время Чисса.

Я сидел в спортивной машине Кору. Двигатель работал на холостых оборотах. Одну руку я держал на руле, в другой был пистолет, ствол которого упирался в бок Рюнкона.

Машина стояла на улице в трёх кварталах от дома Эстеллы Росс. С этого места чёрный «кадиллак» перед зданием казался совсем маленьким. Отсюда не было видно и той пары гангстеров, которые обычно сопровождали Фрэнка Лека и сейчас должны были сидеть в машине. Но они, наверняка, находились там, ожидая Лека.

Я тоже ждал. Прошло уже два часа после моего звонка Лека. До рассвета оставался только час. Тёмная улица была совершенно пустыня: ни машин, ни прохожих. Ни в одном из окон не горел свет.

Рядом со мной каждые десять-пятнадцать минут Рюнкон нарушал тишину:

— Бэрроу... я же прошу! Вы же ничего не выиграете. Вы уже в безопасности, Все уже знают, что вы не убили Марти. Отпустите меня, дайте и мне шанс спастись...

— Нет!

— Но почему же вы отпустили Лорейн?

— Против неё в суде ничего не докажешь,— сказал я.— К тому же она не сможет воспользоваться предоставленной ей свободой. Вы это прекрасно понимаете. Остаток своих дней она проведёт в страхе быть узнанной и убитой. По своему опыту я знаю, что это хуже смерти.

Рюнкон моментально зацепился за мои слова.

— Вы правы! Но почему вы тогда не хотите и со мной так поступить? Лучше я сам покончу с собой. Да, я так и сделаю: покончу с собой..

Я не испытывал к нему ни жалости, никакого иного чувства, чтобы уступить. Смерть Марти Лоуренса — небольшая потеря для этого мира, но стоило вспомнить другое: то, что вынесла Кора, Дюка, убитого грузовиком, Грэди и его рыжую подружку в холодильнике,— всё это было сделано под руководством Рюнкона.

— Вам следует примириться со своей судьбой,— резко сказал я ему.— Я не могу поступить иначе.

— Но почему? Почему?

— Я кое-что должен Чиссу.

Он продолжал что-то бубнить, но я его уже не слушал.

В это время Лека вышел из дома. Рядом с ним шёл крупный мужчина, который держал руки в карманах пла-

ща. Судя по манере поведения, это был обычный наёмный убийца. Я, кажется, его уже встречал несколько дней назад у полицейского управления.

Они пересекли тротуар, направляясь к «кадиллаку». Я отпустил тормоз, крепче сжал руль левой рукой и сильнее прижал пистолет к боку Рюнкона. Он тоже увидел Лека и замолчал. Широко открыв рот, он судорожно глотал воздух.

Машина рванулась по направлению к «кадиллаку». Один из гангстеров вылез из «кадиллака», чтобы открыть Лека дверь. Лека сел в машину. Человек захлопнул дверцу. И в этот момент он и здоровяк, сопровождавший Лека из дома, наконец, заметили мою машину. Они мигом обернулись в мою сторону, здоровый парень выдернул из кармана плаща пистолет, гангстер, услужливо открывший дверцу автомобиля Лека, засунул руку за отворот пиджака.

Я резко затормозил. Машину занесло, и она блокировала улицу перед «кадиллаком» Лека. Я открыл дверцу и вытолкнул Рюнкона на улицу.

Рюнкон вывалился из машины и упал на колени посреди улицы.

— Я вам обещал его, — крикнул я достаточно громко, чтобы это мог услышать Лека, — вот он.

Оба типа повернулись к «кадиллаку». Оттуда раздался резкий голос:

— Не трогать его!

Они стояли по бокам Рюнкона. Но их глаза и пистолеты были направлены только на меня: Рюнкон уже не представлял никакой опасности. Он продолжал стоять на коленях, объятый ужасом, не имея сил подняться, и умоляюще протягивал руки к «кадиллаку».

Я вышел из своей машины на тротуар, высоко подняв руки. Лека тихо сказал несколько слов человеку, сидевшему за рулём, и тот что-то передал ему. Дверца «кадиллака» открылась, и Лека вышел из машины. В руке у него был пистолет с глушителем. Лека осмотрелся, чтобы убедиться в отсутствии свидетелей, глянул на тёмные окна, и подошёл к Рюнкону:

— Ты... сукин сын!

— Умоляю тебя, Фрэнк, — сказал он. — Я это сделал и для тебя!.. Марти ничего не стоил... ты должен понять... я для тебя в большей степени сын, чем этот...

Лека прервал его стелания четырьмя выстрелами в упор: в грудь и в голову. Глушитель смягчил звуки выстрелов так, что они никого не смогли разбудить в соседних домах.

Рюнкон упал лицом вниз. И в этот момент из-за угла одного из соседних зданий за спиной Лека с пистолетом в руке появился Чисс. Но действовал он совсем не так, как следовало. Вместо того, чтобы держаться около угла здания, он вышел почти на середину проезжей части улицы. Он, по-видимому, был слишком взволнован тем, что, наконец-то, оказался лицом к лицу с Лека, и закон был на его стороне.

— Лека,—закричал он.—Брось пистолет и подними руки.

Лека не послушал. Его ответом на требование Чисса было рефлекторное воспоминание юности. Он мгновенно повернулся и выстрелил. Выстрелил наугад, не целясь. Выстрелил на звук голоса. И его пуля не попала в цель. Чисс же не промахнулся: его пуля попала в руку Лека, и пистолет с глушителем упал в нескольких ярдах от него.

Открыли стрельбу и гангстеры Лека. Чисс схватился руками за живот и упал вперёд, лицом на тротуар.

Я выхватил пистолет и выстрелил сначала в водителя «кадиллака», а затем в Лека, который, придерживая раненую руку, приближался к своему пистолету, из которого он убил Рюнкона. Я обещал Чиссу не убивать Лека: моя пуля пробила ему икру, и он упал.

Один из телохранителей повернулся ко мне и выстрелил навскидку. Его пуля обожгла мне бок. Последовавшая за ней просвистела около уха. Я бросился плашмя на тротуар, прикрывшись машиной, и выстрелил снизу по ногам. Бандит упал на бок. Я выстрелил ещё два раза. Пуля пробила ему грудь. Я откатился к задней части автомашины. Раздался выстрел второго гангстера, и пуля выдрала клоч из моего пиджака. Я выглянул из-за машины и увидел верзилу в плаще, который прикрывшись багажником «кадиллака» целился в меня снова.

Через секунду я был бы мёртв, так как я бы просто-напросто не успел поднять пистолет до его выстрела. Но в это мгновение Чисс, лежащий на тротуаре, сделал свой последний выстрел. Гангстер упал на багажник, потом выстрелил и я. Пуля попала ему прямо в сердце, и он сполз на асфальт.

Я поднялся на ноги Лека полз на животе к своему

пистолету, он пытался добраться до него и стереть отпечатки пальцев. Я подошёл к нему и ударил его рукояткой своего «магнума» за ухом. Он замер около моих ног. Оружие, которым совершено преступление, было спасено для суда.

Я подошёл к Чиссу и перевернул его на спину. Он был мёртв.

Я сел на край тротуара и стал ждать. Вскоре появилась полиция. Они забрали Лека и пистолет, из которого был убит Виктор Рюнкон.

Я за свой счёт похоронил Джорджа Чисса. На его похоронах было мало людей. Только несколько старых полицейских, которые его хорошо в своё время знали и до сих пор помнили.

С кладбища я отправился в его барак, и сам сделал то, что должен был сделать он, если бы остался жив: снял со стены фотографию Лека и медленно порвал её на мелкие куски. Затем в последний раз осмотрел жилище Чисса.

Голубая с розовым коляска, которую Чисс хотел сделать портативным баром, всё ещё находилась здесь. Деревянные полки стояли всё там же у стены, где их поставил Чисс. Он умер, не закончив работу. Но Чисс закончил то, ради чего он жил последние годы.

Улик против Лека было вполне достаточно для суда. И он, ещё хромая, совершил свою последнюю прогулку к электрическому стулу.

Литературно-художественное издание

КВАРРИ Ник

СМЕРТЬ — МОЯ ТЕНЬ

ISBN 5-7360-0002-4

Редактор И. Гинзбург

Художник М. Байгозин

Художественный редактор Г. Лешук

Технический редактор Шевченко А. А.

Корректор А. Мильская

Сдано в набор 12.02.91 г. Подписано в печать 18.03.91 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарн. литер. Печать высокая. Усл.-печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 6,26.
Тираж 75000 экз. Зак. 288. Цена 2 руб. РИКЦ «Харьков — Новости».
310002. г. Харьков, ул. Артема, 16
Харьковская типография № 2. РПО «Полиграфкнига». г. Харьков-52.
ул. Конева, 10/2.